

*Министерство культуры Российской Федерации
Министерство культуры Ставропольского края
Ставропольский государственный историко-культурный
и природно-ландшафтный музей-заповедник
имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве*

В ЕДИНСТВЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР — ЦЕЛОСТНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

материалы научно-практической конференции
6 сентября 2014 года

в рамках программы мероприятий
XVII Международного фестиваля
мастеров искусств «Мир Кавказу»

Ставрополь 2014

УДК
ББК

Научное издание

Печатается по решению ученого совета Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе

Сборник материалов научно-практической конференции.
Ставрополь: 2014.

Ответственный редактор – **Н. А. Охонько**
Научный редактор – **Е. В. Карагодин**
Редактор-составитель – **В. Г. Исаичева**

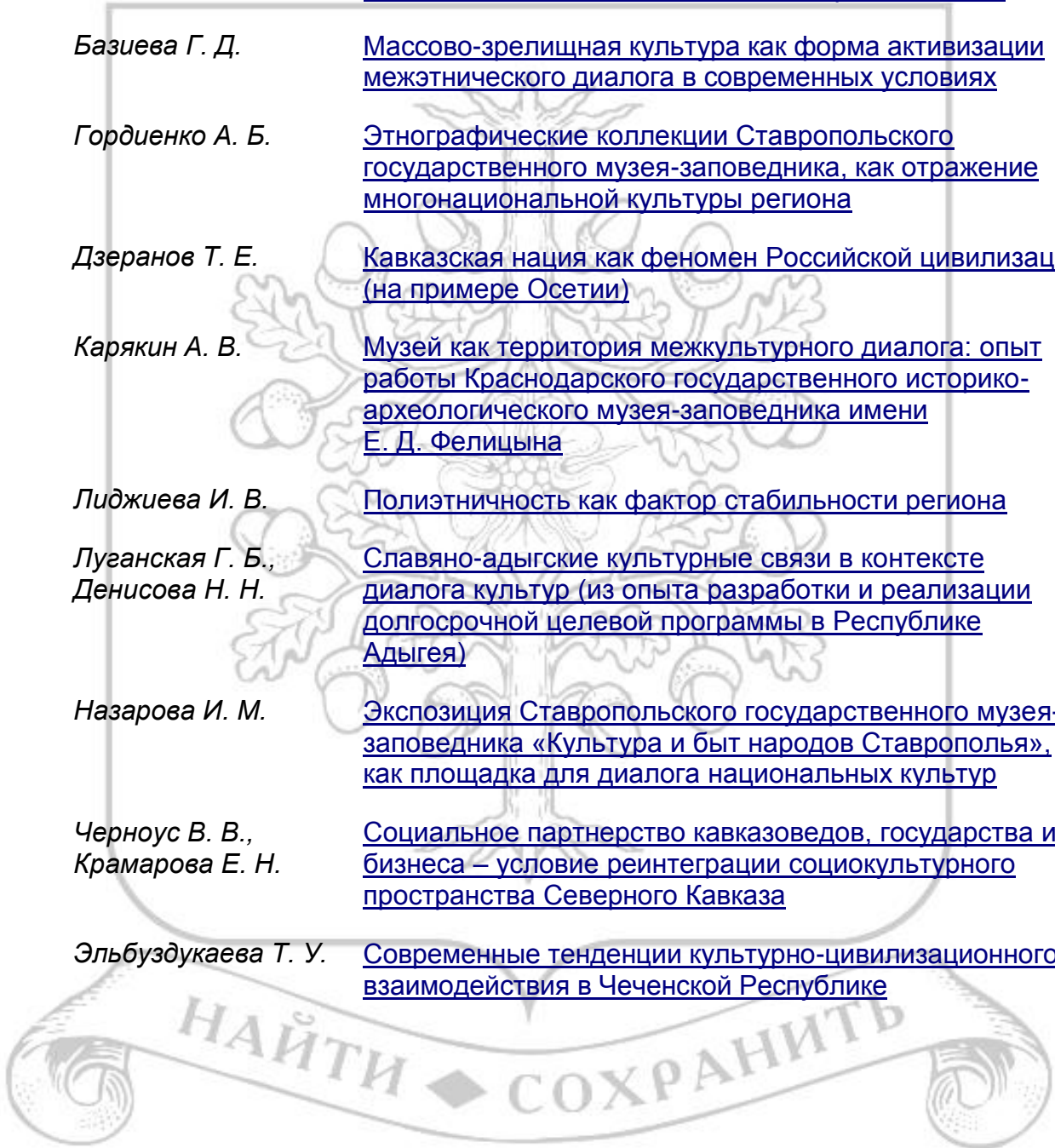
Сборник содержит научные статьи и тезисы докладов ученых-историков, культурологов, специалистов в области социологии и этнологии из научных центров и музеев Ставропольского края, Краснодар, Республики Калмыкия, Республики Северная Осетия-Алания, Республики Адыгея, Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республики и Чеченской Республики. Доклады прочитаны на научно-практической конференции «В единстве национальных культур – целостность российского государства» (в рамках мероприятий XVII Международного фестиваля мастеров искусств «Мир Кавказу», 6 сентября, 2014 г.). Доклады печатаются в авторской редакции.

© Ставропольский государственный историко-культурный
и природно-ландшафтный музей-заповедник
имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе, 2014 г.
© Авторы, 2014 г.

Содержание:

- Алмазов И. Г. [Материальная и духовная культура ингушей: параллели времен](#)
- Багдасарова А. Б. [Национальная культура, как ресурс сохранения межнационального согласия на Северном Кавказе](#)
- Базиева Г. Д. [Массово-зрелищная культура как форма активизации межэтнического диалога в современных условиях](#)
- Гордиенко А. Б. [Этнографические коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника, как отражение многонациональной культуры региона](#)
- Дзеранов Т. Е. [Кавказская нация как феномен Российской цивилизации \(на примере Осетии\)](#)
- Карякин А. В. [Музей как территория межкультурного диалога: опыт работы Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына](#)
- Лиджиева И. В. [Полиэтничность как фактор стабильности региона](#)
- Луганская Г. Б.,
Денисова Н. Н. [Славяно-адыгские культурные связи в контексте диалога культур \(из опыта разработки и реализации долгосрочной целевой программы в Республике Адыгея\)](#)
- Назарова И. М. [Экспозиция Ставропольского государственного музея-заповедника «Культура и быт народов Ставрополья», как площадка для диалога национальных культур](#)
- Черноус В. В.,
Крамарова Е. Н. [Социальное партнерство кавказоведов, государства и бизнеса – условие реинтеграции социокультурного пространства Северного Кавказа](#)
- Эльбуздукаева Т. У. [Современные тенденции культурно-цивилизационного взаимодействия в Чеченской Республике](#)

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Алмазов Исса Геннадиевич,
историк-архивист,
начальник отдела научных исследований
Государственной Архивной службы Республики Ингушетия,
заслуженный работник культуры Республики Ингушетия,
г. Назрань

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ИНГУШЕЙ: ПАРАЛЛЕЛИ ВРЕМЕН

Ингуши являются одним из древнейших народов Кавказа, корни которого своим происхождением уходят в глубь тысячелетий. Самые ранние письменные известия о предках ингушей относятся к I тыс. до н.э. Еще в «Географии» Страбона упоминается этноним «*гаргареи*» – «близкий, родственный», связываемый ведущими учеными-кавказоведами и лингвистами с древними предками ингушей. Упоминания об ингушах встречаются в трудах древних историков-хроникеров: Плутарха, Моисея Хоренского, Леонтия Мровели, Вахушти Багратиони и т. д. В древних грузинских письменных источниках предки ингушей известны также под названиями *глигвы, кавкасионы, дзурдзуки, кисты*. На территории Ингушетии известны памятники Куро-Аракской, Майкопской, Северокавказской, Кобанской культур, основателями и потомками которых являются ингуши. Многочисленные археологические артефакты и этнографические данные из культуры ингушского народа относятся к III тыс. до н. э.

«Страной башен» называли Ингушетию в древности. Она «является одним из древнейших культурных очагов не только республики, но и всего северокавказского края, – писал известный ученый-кавказовед Е. Крупнов, – ибо там находятся такие важные археологические объекты, историческая значимость которых оценивается только с общекавказских позиций».

Культурные ценности и установки, сложившиеся на протяжении веков, входят в национальное сознание моего народа, образуя его основание, его духовный базис. Особое место в национальном самосознании ингушей занимает тема любви к Родине. Ценность родной земли, культ предков и связанный с ним культ земли предков, трепетная любовь к матери и отцовскому дому являются для ингушского народа *высшей духовной ценностью*. Своеобразие национальной культуры ингушей проявляется в материальной и духовной сферах жизни и деятельности народа, охватывающих *«все предметное и духовное богатство, созданное народом и используемое им в своем национальном существовании».*

Духовная культура ингушского народа, как и материальная культура, является неотъемлемой частью мирового культурного наследия. Она охватывает всю совокупность явлений, относящиеся к умственной деятельности и мировоззрению людей. Она включает в себя такие многогранные составляющие, как:

Устное народное творчество, в котором отображена вся многовековая история духовного развития ингушского народа, в свое время изучали

известные ингушские ученые-кавказоведы, как – Ч. Ахриев, А. Мальсагов, А. Танкиев, Ш. Дахкильгов и др., а также русские исследователи – Яковлев, Щеплыкин, Е. Крупнов, Ф. Горепекин, Л. Семенов и др. Особое место в фольклоре ингушей занимает древнейший памятник поэтической культуры – величественный «Нартский эпос».

Народная медицина является неотъемлемой частью культуры любого этноса. Опыт народной медицины ингушей был предметом внимания исследователей-кавказоведов XVIII – XIX вв. Высокое искусство горцев-врачевателей отмечали такие светила отечественной медицины прошлого, как А. Омаров, русские хирурги Н. Пирогов, В. Шведов, Н. Ф. Дубровин, А. К. Эфендиев, Б. Х. Разгелишвили и др. Долгое время народная медицина ингушей отличалась синкретизмом, т.е. неразрывной связью и сочетанием рациональных и иррациональных способов лечения.

Музыкальное искусство. В историческом контексте развития музыка неотделима от развития духовной культуры человека. Ни одно семейное или общественное празднество не обходилось и ныне не обходится без музыки и танцев. В музыкальной культуре ингушей существуют обрядовые, культовые, свадебные, героические, лирические, трудовые, шуточные песни. О развитии музыкального искусства у ингушей говорят и названия известных в прошлом и настоящем музыкальных инструментов. Особой популярностью пользовались у ингушей *дахчан-пандар* (трех-четырёхструнный музыкальный инструмент), а также разновидность ингушской народной скрипки – *чондыргъ*, со смычком.

Праздничная культура у ингушского народа восходит к глубокой древности. Она рассматривалась учеными Ч. Ахриевым, Б. Далгатом, Л. Семеновым, М. Ужаховым, А. Танкиевым, А. Мазаевым, З. Мадаевой и др. В праздниках находили выражение знания о природе и человеке, народные идеалы добра и красоты. В них же прослеживаются следы древних обширных знаний ингушей о природе, о весеннем равноденствии, летнем и зимнем солнцестоянии, об астрономии. Календарные праздники и обряды равномерно распределялись по всему годовому циклу. Это были праздники солнцестояния, нового года, весеннего равноденствия, праздники в честь богини Тушоли, бога Сели и др., связанные с началом уборки урожая, сенокоса и т.д.

Ловзар (игрище) – как *социальный и духовный институт* в культурной жизни ингушей занимал значительное место. Они проводились практически на всех торжествах и были насыщены глубоким нравственно-эстетическим содержанием, где имели место юмор, шутки, ирония. Празднество «ловзар» состояло из комплекса драматических и комических сюжетов. Само слово «ловзар» в переводе с ингушского языка означает – «игра». На ловзарах часто проводились скачки, джигитовка юношей, проверялись навыки уверенного держания в седле. «*Ингуши любили скачки. Поводы для устройства были различны: в честь рождения сына, в знак уважения к почетному гостю, в день первой запашки и, наконец, просто по решению сообщества. Скачки обычно превращались в большое общенародное празднество, на которое собирались люди из разных аулов*», – писал Е. Шиллинг. Особой любовью у ингушей

пользуется конь, являющийся одной из основных фигур на игрищах и гордостью горца.

Театральное искусство. Театральное искусство ингушей упоминается в устном народном творчестве, в том числе и нартских сказаниях. Все циклы обрядовой культуры ингушей издревле имели ярко выраженную театральную традицию. Присутствие ряженого создавало комическое настроение на праздничных торжествах. Танцы, песни, остроумные вопросы, шуточные сватовства являлись уже театральным зрелищем. Об эстетических чувствах народа говорят и тексты сохранившихся древних песен.

Семейный быт. Семья является важным социально-культурным институтом любого общества. «Семья – это корень, питающий народ. Добропорядочность народа, его сознание, честь, достоинство, здоровый образ жизни – все это результат того, как каждый в отдельности воспитывает семью», – писал А. Айдамиров. Длительное время в Ингушетии существовала большая семья, включавшая две и более брачные пары и состоявшая из трех – четырех поколений родственников. О больших ингушских семьях в конце 18 века писали Я. Рейнегс, Л. Л. Штедер, Н. Н. Харузин, Б. Далгат и др. Создание семьи является важной ступенью, как в жизни молодых, так и их родственников, вступивших в новые взаимоотношения друг с другом и обязанных поддерживать эти узы родства на протяжении жизни нескольких поколений. Это важно еще и потому, что у ингушей «в родстве числится вся «фамилия» матери и дальше фамилии «матери матери» и «матери отца», т. е. роды бабушек с материнской и отцовской стороны, – все они считаются «сестры» – «братья». По адату, ингуши строго следуют экзогамии, накладывающей вето на женитьбу на однофамилице и родственницах от седьмого колена по линии матери и отца. Брак уводом (умыканием) не одобряется, но имеет место.

Семейный этикет. В ингушских семьях уважительное отношение к родителям и забота о них является святым долгом. Большим грехом считается у ингушей недобрый взгляд в сторону матери и отца. Существует культ родителей и культ младших. Важную роль в отношении старших и младших, в воспитании нравственных идеалов, принципов ненасилия играет личный пример старших.

Эздел, традиции и обычаи являются у ингушей связующим звеном времени. Из исторического прошлого они доносят до новых поколений духовно богатую нравственную культуру народа. Образы далеких и близких предков, их традиции и обычаи занимали едва ли не центральное место в исследованиях ингушского этнографа Ч. Ахриева. Д. Мальсагов отмечал значимость многовековых традиций и обычаев народа. Традиции и обычаи объединяются вокруг общего мировоззренческого основания и играют огромную роль в самосохранении народа. Ядром ингушской культуры является эздел. Эздел – это мораль и нравственность, воспитанность и благородство, этика и философия жизни народа. Уникальный комплекс морально-этических и эстетических правил эздел прививается ингушам с раннего детства. Структура эздел состоит из таких понятий как *сабр* – терпение, *эхь* – скромность, добросовестность, *бехк*

– осознание долга, уважение к людям, *юхь* – достоинство, *камоаршал* – щедрость, *денал* – мужество духа, *гулакх* – вежливость, культура поведения, *яхь* – соревновательность в стремлении к лучшему проявлению духовных и созидательных качеств. Структура ингушского общества, система взаимоотношений, ценностные системы связей заданы мужским родством, первенствующим местом отца и почтительной, уважительной ролью женщины. Ингушское общество создало внутри себя такие формы нравственного контроля, что человек все время должен жить, ясно осознавая, что авторитет его имени может создать соответствующую ауру его детям и потомкам.

Уважение к старшим. «Социальная и семейная жизнь кавказских народов испокон веков базировалась на почитании и уважении старших. Старики были хранителями знаний, навыков, опыта, выработанных предшествующими поколениями. Поэтому вполне естественно, что, – как подметил Ф. Ф. Торнау, – «лета ставятся у горцев в общежитии выше знания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан встать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним, кротко и почтительно отвечать на его вопросы. Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь». Неуважение к старости – порок.

Уважение к женщине. Традиция почитания женщины уходит в глубокую древность. У ингушей принято относиться к женщине со всем вниманием и предупредительностью. Роль женщины в ингушской семье подчеркивается этикетом, который поднимает ее в уважительном внимании до статуса старшинства. Женщину принято приветствовать стоя. В присутствии женщины неприлично ссориться, тем более сквернословить, курить, кричать. В далеком прошлом даже самый жестокий поединок прекращался, если женщина, прося об этом, снимала головной платок. Если мужчина оказывался попутчиком женщины в дороге, он обязан был ее опекать и защищать. Такое отношение в этикете сохраняется и сегодня. Согласно древнему этикету, мужчина, идущий с женщиной, должен идти несколько впереди женщины. У этого обычая древние корни. В старину на узкой горной тропе могли быть опасные встречи с опасным зверем, грабителем и т. д. Мужчина шел впереди своей путницы, готовый в любой момент ее защитить. Особым почитанием пользуются у мужчины родственники жены. По отношению к теще зять обязан соблюдать нравственные требования повышенного порядка. Только в ингушском обществе зять не встречается с тещей, ибо общение друг с другом «сокращает дистанцию».

Интернациональный дух культуры. В Ингушетии с давних пор сложились добрые традиции интернационального существования. В обществе были широко распространены обычаи побратимства и дружбы с представителями разных народов. Ингуши очень легко уживаются в любой инонациональной среде. Если в среде ингушского общества оказывается представитель другой национальности, то ему оказывается особое внимание. Известно, что супруга первого из грузинских царей Фарнаваза (III тыс. до н. э.) была из дзурдзуков

(ингушей). Известны многочисленные примеры дружбы и совместной службы русских казаков и ингушей, в особенности это наблюдалось в среде офицерства. В лице кавказских народов, и ингушей в частности, нашли поддержку и понимание декабристы, высланные на Кавказ в первой половине 19 века: В. Д. Сухоруков, П. А. Муханов, Е. Е. Лачинов, А.А. Бестужев и другие. *«Их гостеприимный порог надежнее всякого оружия защищает странника»*, – писал в своих воспоминаниях П. А. Бестужев.

Об ингушах и Ингушетии в свое время писали В. Багратиони, Г. Готлиб, И. Гербер, И. Гюльденштедт, Л. Штедер, П. Паллас, Я. Рейнеггс, Г. Ю. Клапрот, Ф. Паррот, М. Энгельгардт, С. Броневский, П. Бутков, П. Зубов, И. Бларамберг, А. Шегрен, И. Пантюхов, Г. Вертепов, Н. Грабовский, М. Ковалевский, Ф. Леонтиевич, В. Миллер, Н. Харузин, Ф. Горепекин, Г. Мартиросян, И. Щеблыкин, А. Генко, Б. Далгат, Л. Семенов, Е. Крупнов, Б. Скитский, В. Христианович, Н. Яковлев, В. Маркович, Р. Мунчаев и мн. др. Все они, пожалуй, любили Кавказ, иначе, при всем научном чутье и энтузиазме, они не замечали бы той высокой культуры народа, о котором доселе не было известно российской науке. Открытость и доброжелательность характера ингушей проявилась и в 1932 – 1933 гг., когда Ингушетия приютила и спасла жизнь многим обездоленным людям из Украины, искавшим спасение среди кавказских горцев; в 90-х гг. 20 столетия, когда Ингушетия приняла потоки вынужденных переселенцев из Северной Осетии (более 70 тыс. человек) и Чеченской Республики (более 250 тыс. чел). Если еще обратить внимание на то, что это происходило в первые месяцы возрождения Республики Ингушетия (1992 год), то это еще более открывает глубину и доброту характера народа. Мой народ обладает удивительной этнической терпимостью и способностью к сопереживанию, умение понимать другие народы.

Изучение древних пластов культуры ингушского общества позволяет многое объяснить в современной жизни народа и в его реакциях на те или иные социокультурные преобразования. Не утерял народ ингушский своих основополагающих принципов этнической культуры. В дни и годы наибольших испытаний люди стихийно возвращаются к истокам традиций и обычаев и в состоянии безвыходности черпают в них чувства безопасности и организованности. На уровне подсознания заложены установки, которые заставляют в критической ситуации вести себя так, как в таких же условиях умели вести себя их предки. Самобытность народа проявляется в повседневной практике, в наиболее типичных для него моделях поведения, в оригинальном образе мыслей и защищается всем ритмом жизни, традициями, и поэтому никакие изменения условий жизни народа не могут убить реальности его национального духа. Они лишь подвергают духовность народа испытаниям.

Национальная культура ингушей, подобно роднику, питает человека, формируя в нем черты характера, присущие его представителям. Сила и мощь национального духа ингушей в его толерантности, в умении поднимать истинные ценности над сиюминутными, в выдержке и терпении. Из глубины веков ингуши сохранили свою культуру, свои традиции и обычаи, и в новых

условиях жизни, сохраняя свою самобытность, будут жить, творить, вносить свой посильный вклад в человеческую цивилизацию.

Материальная культура ингушей является одной из составляющих мировой культуры. Материальная культура включает в себя все то, что создано руками народа, его умельцев, зодчих ее истории. Все то, как говорят в простой народной среде, к чему можно притронуться и зрительно воспринять: это различные типы жилищ, культовые и хозяйственные строения, разнообразные орудия труда, предметы домашнего обихода и быта, средства передвижения, одежда, украшения, оружие, пища и многое другое, а также кустарные промыслы и ремесла, при помощи которых они создавались и преображались во времени.

Природное сырье (глина, шерсть, кожа, дерево, металлы), скотоводство, особенно овцеводство, коневодство, земледелие являлись основой для развития кустарных промыслов. По данным О. Маргграфа, кустарные промыслы на территории Ингушетии были известны с незапамятных времен и находились на достаточно высоком уровне развития. Художественная обработка камня, дерева, кости и серебра получили здесь свое развитие с древнейших времен. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические раскопки, произведенные известными исследователями В. Ф. Миллером, Е. И. Крупновым, Г. Н. Чубинашвили, Г. Гамбашидзе, Анчабадзе и мн. другими.

Особое, значимое место в материальной культуре ингушского народа занимает древняя *архитектура*. Обработка камня издревле была развитым ремеслом. Эта часть материальной культуры была и остается основой строительства величественных горных каменных замков, бытовых, погребальных и культовых памятников. Ингуши как искусные каменные зодчие строили многоуровневые жилые, полубоевые и боевые башни нередко объединенные в целые замковые комплексы. Большинство из них (частично в руинированном состоянии) находились и сохранились только в горах Ингушетии. Основу их составляют ингушская боевая башня называемая – *воув* и жилая, называемая – *гала* (*гIала*, – *инг.яз.*). В применительной транскрипции самоназвание ингушей – *гIалгIай* – можно расшифровать и как – *жители башен*. Следует отметить, что древних ингушских мастеров-зодчих приглашали для строительства жилых башен на сопредельных территориях, далеко за пределами современной Ингушетии. **Однако, классические боевые башни – «воув», ингуши строили только для себя и более ни для кого!** Замковые (башенные) комплексы, возвышающиеся ныне повсеместно в горах Ингушетии, символизировали сам род (фамилию), его честь, силу, достоинство и сплоченность. По выражению известного ученого-кавказоведа А. И. Робакидзе, ингушские боевые башни *«...являются в подлинном смысле вершиной архитектурного и строительного мастерства древнего населения края. Они поражают простотой формы, монументальностью и строгим изяществом. Особенно величественны башни с пирамидально-ступенчатой крышей. Соотношением высоты и основания ингушские башни резко отличаются от других кавказских башен»*. Ингуши создавали храмовые комплексы и

святилища, такие как известные в Ингушетии и на Северном Кавказе – Маги-Ерды, Алби-Ерды, Таргимский, Тхаба-Ерды и др. На незначительном расстоянии от башенных комплексов создавались целые некрополи, состоящие из каменных склепов. Их называют *маълхара кашамаш* (инг.яз.) т.е. «солнечные могилы».

Одежда. Сукноделие. Важным компонентом материальной культуры ингушского народа, несущим знаковую нагрузку, является особая одежда горцев, составляющая целый ансамбль: черкеска, бешмет (рубашка особого горского покроя), башлык (своеобразный горский капюшон), бурка, папаха (или каракулевая шапка). Все это дополнялось, вернее, украшалось набором боевого оружия: кинжалом, шашкой и пистолетом.

Кузнечное дело. О развитии оружейного дела у ингушей говорят археологические находки: луки, стрелы, дротики, топоры, мечи, позже кинжалы, сабли. В защитном вооружении воина применялись также панцири и кольчуги, шлемы и щиты.

Ювелирное искусство. У ингушей было весьма развито ювелирное искусство. Местные ремесленники умело сочетали различные операции по обработке металла: зернение, чернение, золочение, инкрустация разноцветными вставками. В эпоху ранней бронзы на Кавказе получили распространение и предметы из драгоценных металлов, что подтверждается археологическими находками из курганов различных ювелирных изделий (кольца, пластинчатые ожерелья, височные подвески, броши и т. д.).

Развитию *ковроткачества* способствовало обилие местного сырья, получаемого от овцеводства. Это разновидность местного войлока (*ферта*, – инг. яз.). Он служил исходным материалом для изготовления разноцветных богато орнаментированных цветных войлочных ковров – *истингаиш*. Еще в первой половине прошлого века ученый-кавказовед И. Щеблыкин писал: «*Ингушские ковры... интересны своими оригинальными и своеобразными рисунками и той наивной простотой, которая проглядывает во всей их богатой композиции*».

Другими, не менее важными составляющими материальной культуры ингушского народа являлись и являются: *кожевенное и гончарное дело, обработка дерева и национальная кухня*.

Мы озвучили здесь лишь малую часть того, что составляет основу духовной и материальной культуры ингушского народа, ведущей свои истоки из глубокой древности. Многогранная и самобытная древняя культура ингушского народа, безусловно, является одной из составляющих мозаику мирового культурного наследия, в т. ч. и культурного наследия многонациональной России.

Багдасарова Анна Борисовна
кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии и этнологии
Северо-Кавказского федерального университета,
директор Центра научно-методического сопровождения
инновационных проектов и программ гуманитарного профиля,
г. Ставрополь

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, КАК РЕСУРС СОХРАНЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В современном российском обществе наблюдается интерес к национальной культуре. И это вполне объяснимо, ведь в национальной культуре сконцентрирован жизненный и культурный опыт народа, кроме того, национальная культура играет важную роль в процессе межэтнического взаимодействия.

Принято различать этническую и национальную культуры. Национальная культура представляет собой «совокупность культурных элементов и ценностей, которые распознаются людьми как «наше» и «не наше», способствуют осознанию ими своего единства и отличия от представителей других наций (народов)» [3]. Этническая культура – это совокупность элементов материальной и духовной культуры этноса, которые служат основным этнодифференцирующим признаком.

Специфические черты культуры формируются в процессе исторического развития и адаптации этнических общностей к определенным условиям существования, создания устойчивой системы межличностной коммуникации. Самобытность культуры того или иного этноса проявляется в особенностях образа жизни, семейно-бытового уклада, пищи, одежды, привычках, фольклоре, традиционных ремеслах, народных промыслах и т.д. Особенности этнической культуры передаются от поколения к поколению посредством традиций, представляющих собой совокупность стереотипов и правил поведения, культурных канонов, политических и хозяйственных форм, мировоззренческих установок, характерных для того или иного этноса. Посредством традиций от поколения к поколению передаются идеи, знания, нормы поведения, способы, приемы, формы, мотивы деятельности людей, различные вкусы, стили, творческие направления. В культуре этноса в самых разнообразных формах накапливаются и сохраняются всевозможные знания об окружающем мире. Этническая культура формируется и развивается в определенных природных условиях, оказывающих существенное воздействие на особенности психологического склада, образ жизни, быт людей, представителей конкретной этнической общности. В числе факторов, формирующих специфику этнической культуры, можно выделить: природные условия (опосредованно); этнические традиции (памятники материальной и духовной культуры, особенности материального производства); историческую судьбу; особенности

психологического склада, менталитета, религии, которые находят отражение в литературе и искусстве; уровень межэтнического взаимодействия.

В контексте современных этнических процессов особого внимания заслуживает межэтническое взаимодействие, представляющее собой процесс взаимодействия и взаимообмена культурным опытом между представителями различных этнических общностей. Уровень межэтнического взаимодействия во многом зависит от этнического самосознания, в котором сосредоточены представления этноса о себе и взаимоотношении с другими этносами. По своей направленности и назначению этническое самосознание (осознание представителями этнической группы самих себя) выполняет ряд функций: консолидирующую, регулятивную, познавательную, эмоционально-оценочную, ценностную, социально-психологическую. Существенная роль в процессе межэтнического взаимодействия принадлежит этнокультурным ценностям. Представители этноса ориентируются на характерные, устоявшиеся для их общности этнокультурные ценности, определяют цели, смысл своего существования, соотносят с ними свои действия, согласуют формы поведения, осуществляют выбор жизненной стратегии и действуют. Следовательно, этнокультурные ценности можно рассматривать как характерные для этнофоров представления, определяющие выбор ими цели и возможные средства, способы и действия для ее достижения.

На основе межэтнического взаимодействия формируется чувство симпатии или антипатии к представителям иноэтнических общностей, ощущение внутригруппового единства и противопоставление своей группы другой, на основе стереотипного противопоставления – «мы» и «они» («свои» и «чужие»). В результате возникает ощущение комплиментарности, которому свойственна устойчивость, позволяющая этнической общности на протяжении всей истории сохранять жизнедеятельность своей системы.

На протяжении всего исторического пути этническая общность испытывает на себе воздействие культур других народов. Процесс межэтнического взаимодействия предполагает освоение этнокультурных ценностей одного народа другим, их творческую переработку и переосмысление. В процессе диалога культур происходит взаимообмен результатами этнокультурной деятельности представителей различных этнических общностей.

Северный Кавказ – уникальный регион России, который представлен многочисленными этносами, обладающими древними культурными традициями. И сегодня Кавказ представляет собой сложную систему из множества культур, каждая из которых характеризуется самобытностью, уникальностью, своеобразной иерархией этнокультурных ценностей.

На территории Северного Кавказа с древнейших времен взаимодействовали мировые религии и различные культуры. Народы Северного Кавказа на протяжении веков испытывали влияние со стороны других этносов, адаптировались в конкретных географических условиях, а также к процессам ассимиляции и аккультурации, при этом сохранив свою самобытность и

неповторимость. Характерной чертой для народов Северного Кавказа является процесс межкультурного взаимодействия, который представляет собой особый вид взаимосвязей и взаимоотношений, складывающихся между несколькими этническими культурами в процессе взаимообмена культурным опытом, достижениями в духовной и материальной сферах культуры. Так, процесс межкультурного взаимодействия между пришлыми и коренными народами Северного Кавказа можно проследить со времени освоения данной территории Российской империей. Примером этого может служить межкультурное взаимодействие славянского населения, представленного казачеством, и автохтонных этносов Северного Кавказа.

Взаимодействие культур народов России – это «объективный процесс, имеющий глубокие исторические корни. Результатом такого взаимодействия является формирование общенациональных культурных ценностей многонационального народа России» [5]. Как справедливо подчеркивал Р. Г. Абдулатипов: «У российских народов... общая история, общие социально-политические традиции, взаимно адаптированная ментальность, восприятие явлений и процессов, общая экономическая база, от состояния которой зависит реализация социально-экономических прав и свобод каждого россиянина, взаимосвязанная культура и общий русский язык и многие другие общенациональные признаки, которые в едином государстве отражаются в общегражданских чувствах и ценностных ориентациях» [1].

В числе приоритетных задач, обозначенных в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»:

- обеспечение сохранения и приумножения духовного и культурного потенциала многонационального народа Российской Федерации на основе идей единства и дружбы народов, межнационального (межэтнического) согласия, российского патриотизма;
- распространение знаний об истории и культуре народов Российской Федерации;
- формирование культуры межнационального (межэтнического) общения в соответствии с нормами морали и традициями народов Российской Федерации [4].

Следует заметить, что уровень межэтнического, межкультурного взаимодействия в современном обществе во многом зависит от готовности к взаимодействию молодежи, представляющей различные этносы Российской Федерации.

В этой связи целесообразно обратиться к отдельным позициям, иллюстрирующим понимание молодежью города Ставрополя сути и роли национальной культуры для общества и представителей того или иного этноса. Так, в рамках исследовательского проекта «Этноконфликтность в подростковой среде города Ставрополя» (2012 г.) респондентам был задан вопрос: «**Чем Вы как житель города Ставрополя можете гордиться?**». Ответы школьников распределились следующим образом: 47, 5 % считают, что гордиться можно

историческим прошлым, по мнению 23, 0 % – многообразием народов и культур. Отвечая на вопрос: «**Как Вы понимаете роль национальной культуры в современном обществе?**» большинство школьников (32, 7 %) отметили, что национальная культура объединяет людей, способствует общению людей разных национальностей, вместе с тем 24, 3 % считает, что национальная культура нередко становится причиной межнациональной напряженности. Как наглядно видно из ответов, подростки не имеют четких представлений о национальной культуре.

Следовательно, важнейшей задачей современного российского общества становится подготовка молодежи к работе и творческому созиданию в условиях полиэтничности, поликультурности и поликонфессиональности.

В настоящее время в Северо-Кавказском федеральном университете реализуется проект «Формирование российской идентичности и правовой культуры студенческой молодежи в полиэтничном регионе». Основным механизмом реализации образовательного проекта является разработка и внедрение в учебный процесс курсов, тематика которых направлена на формирование у студентов основ правовой культуры, приобщения к культурно-исторической традиции Отечества и воспитания чувства гражданской ответственности и патриотизма, формирования этнокультурных компетенций, изучения истории и культуры народов, проживающих на территории Северного Кавказа. Так, например, курсы: «История государственных символов России», «Северный Кавказ в истории России», «Исторический опыт культурного взаимодействия на Северном Кавказе», «Культура межнационального общения», «Этнология Юга России» – способствуют формированию прочных исторических знаний о культуре и истории народов России, мирового наследия, уважительного отношения к историческому наследию и культурным традициям народов России, социальным и культурным различиям, а также навыков культуры межнационального общения.

В заключение, следует отметить, что в настоящее время интерес представителей регионального научного сообщества вызывает не только вопрос об особенностях отдельного народа, но и проблема взаимодействия различных народов и их культур, а также возможности и потенциал национальной культуры как одного из факторов сохранения межнационального согласия на Северном Кавказе. Участвуя в работе международного дискуссионного клуба «Валдай», Президент РФ В. В. Путин отметил, что в России, «на которую пытались в свое время навесить ярлык «тюрьмы народов», за века не исчез ни один, даже самый малый, этнос. Все они сохранили не только свою внутреннюю самостоятельность и культурную идентичность, но и свое историческое пространство... При этом у нас накоплен уникальный опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур. Эта поликультурность, полиэтничность живет в нашем историческом сознании, в нашем духе, в нашем историческом коде. На этом естественным образом тысячелетие строилась наша государственность» [2].

Литература

1. *Абдулатинов Р.Г.* Создание российской нации (проект для XXI века). Российская газета. №170. 28.08.2003 г.
2. Стенограмма заседания международного дискуссионного клуба «Валдай» // <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>.
3. *Тавадов Г.Т.* Этнология: Словарь-справочник. – М.: Социально-политический журнал, 1998. – С. 183.
4. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // <http://президент.рф/news/17165>.
5. *Юрченко Т.В.* Взаимодействие национальных культур как фактор консолидации народов России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва – 2004. – С.3.

Базиева Гульфия Джамаловна,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник отдела этнологии
Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований,
г. Нальчик

МАССОВО-ЗРЕЛИЩНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФОРМА АКТИВИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящий период массовая культура, по мнению А. Я. Флиера, «фактически принимает на себя функции первичной (неспециализированной) инкультурации личности и, вполне вероятно, представляет собой некое эмбриональное проявление созревающей обыденной культуры нового типа, аккумулирующей социальный опыт жизнедеятельности на индустриальном и постиндустриальном этапах социальной эволюции, разумеется, еще не прошедшей процесса исторической селекции, аксиологизации наиболее эффективных и отбраковывания социально неприемлемых черт и форм» [1].

Особое место в системе массовой культуры занимает зрелищная культура, которая объединяет различный круг явлений: фестивали, спортивные соревнования и игры, публичные ритуалы и церемонии, различного рода празднества и т. д. Массово-зрелищную культуру, в целом, принято разделять на *художественные зрелища*, к которым относятся театр, кино, эстрада, цирк, и на *явления зрелищного типа*, включающие массовые и коллективные театрализованные праздники, концерты, смотр-конкурсы, дни национальных культур, спортивные мероприятия, показы и демонстрации достижений науки и техники, современной моды и т.д.

Активно развивается такая популярная массовая форма любительских и профессиональных художественных зрелищ как фестиваль (театральные, танцевальные и музыкальные, а также различного рода международные, региональные и всероссийские фестивали (кинофестивали, фестивали студенческой молодежи, культурно-спортивные фестивали и др.). Основной задачей современного фестивального движения становится установление межнациональных культурных контактов, формирование гуманистического мышления, выработка гуманистических идеалов культуры [2]. Кроме того, фестивали культур в настоящий период становятся своеобразным входом в этническое поле различных народов, в котором сконцентрированы история, язык, психология, специфические формы художественного творчества. Фестивальное движение во всем мире опирается прежде всего на традиции народной культуры (древние массовые зрелища, игрища, связанные с обрядами, балаганы, скоморошьи игры, народные эпические песни, национальные танцы). Каждое народное празднество представляет собой, в сущности, драматическую поэму с острыми поворотами сюжета, с четко очерченными характерами.

На территории СКФО традиционно проводятся такие фестивали как фестиваль мастеров искусств «Мир Кавказу» (Ростов-на-Дону, Майкоп, Краснодарский край, Дагестан, Ставрополь и др.), «Возьмемся за руки,

друзья!», «Кавказ наш общий дом!» (г. Ставрополь), фестивали дружбы в Республике Северная Осетия-Алания, «Добрые соседи» в г. Элисте, Северо-Кавказский фольклорный фестиваль «Возвращение к истокам – путь к возрождению» в Майкопе и др.

В Кабардино-Балкарии за последние два десятилетия были проведены такие региональные и международные фестивали как Международный фестиваль, посвященный юбилею нартского эпоса (2000), фестиваль мастеров искусств «Мир Кавказу» (2001, 2013), фольклорный фестиваль «Кавказ – наш общий дом» (2004), международный фестиваль-конкурс этнического искусства «Алтын-Майдан – Эльбрус» (2010), театральный фестиваль «Южная сцена» (2011, 2012, 2013), культурно-спортивный фестиваль «Кавказские игры» (2012) и др.

Международный фестиваль мастеров искусств «Мир Кавказу» в идеальном своем исполнении соответствует всем гуманистическим критериям досуговой деятельности: он обеспечивает максимальную массовость, активность участников, удовлетворяет целый комплекс потребностей: эстетическую, гедонистическую, релаксационную и др. В рамках фестиваля в различных республиках и городах ЮФО и СКФО проводятся конференции, посвященные проблемам истории и культуры народов Кавказа, выступают прославленные фольклорные коллективы, экспонируются выставки народного искусства и др.

29 сентября 2012 года в Нальчике открылся III культурно-спортивный фестиваль «Кавказские игры – 2012». Два предыдущих проводились в Карачаево-Черкесии, так как спортсмены КЧР неизменно показывали лучший результат в 15 видах традиционных для Кавказа единоборств. Однако на последнем фестивале победу одержала команда Кабардино-Балкарии, которая получила право на проведение игр в 2012 году. На фестиваль съехались представители всех субъектов, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ. В программу фестиваля входили выступления народных коллективов, спортивные состязания, а также открытие национальных подворий, пропагандирующих культуру и быт различных народов Северного Кавказа.

В феврале 2013 года во Дворце культуры профсоюзов состоялся республиканский смотр-фестиваль народных коллективов «Мой край – Кабардино-Балкария». В смотре приняли участие семь районов Кабардино-Балкарии: Чегемский, Прохладненский, Терский, Эльбрусский, Баксанский, Лескенский, Урванский, а также народные коллективы КБГУ им. Бербекова. Основная цель смотра-конкурса «Моя Кабардино-Балкария» – пропаганда разнообразных видов и форм народного творчества.

Кроме фестивалей и смотров-конкурсов большое значение в массово-зрелищной культуре занимают также традиционные праздники. «Праздники и обряды в регулярности своего повторения обеспечивают передачу и распространение знания, закрепляющего идентичность, и тем самым воспроизведение культурной идентичности. Ритуальное повторение обеспечивает единство группы во времени и в пространстве» [3], – отмечает

Я. Ассман. На протяжении всей истории человечества роль праздника была огромна. Праздничное утверждение жизни неотделимо от самой природы человека, стремящегося к игровому самовыражению и художественному творчеству. На площади Абхазии в Нальчике проводятся такие государственные и национальные праздники как День России, День Государственного флага Российской Федерации, традиционный фольклорно-этнографический праздник, посвященный Дню весеннего равноденствия, «День черкесского костюма» и др. В программу проведения праздников входят выступление фольклорных коллективов и мастеров искусств Кабардино-Балкарии, народные обрядовые игры, дегустация блюд национальной кухни, смотр-конкурсы и др.

5 июня 2011 г. Центр Балкарской культуры КБГУ провел «Праздник балкарского хычина», который носил благотворительный характер (сбор пожертвований для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей).

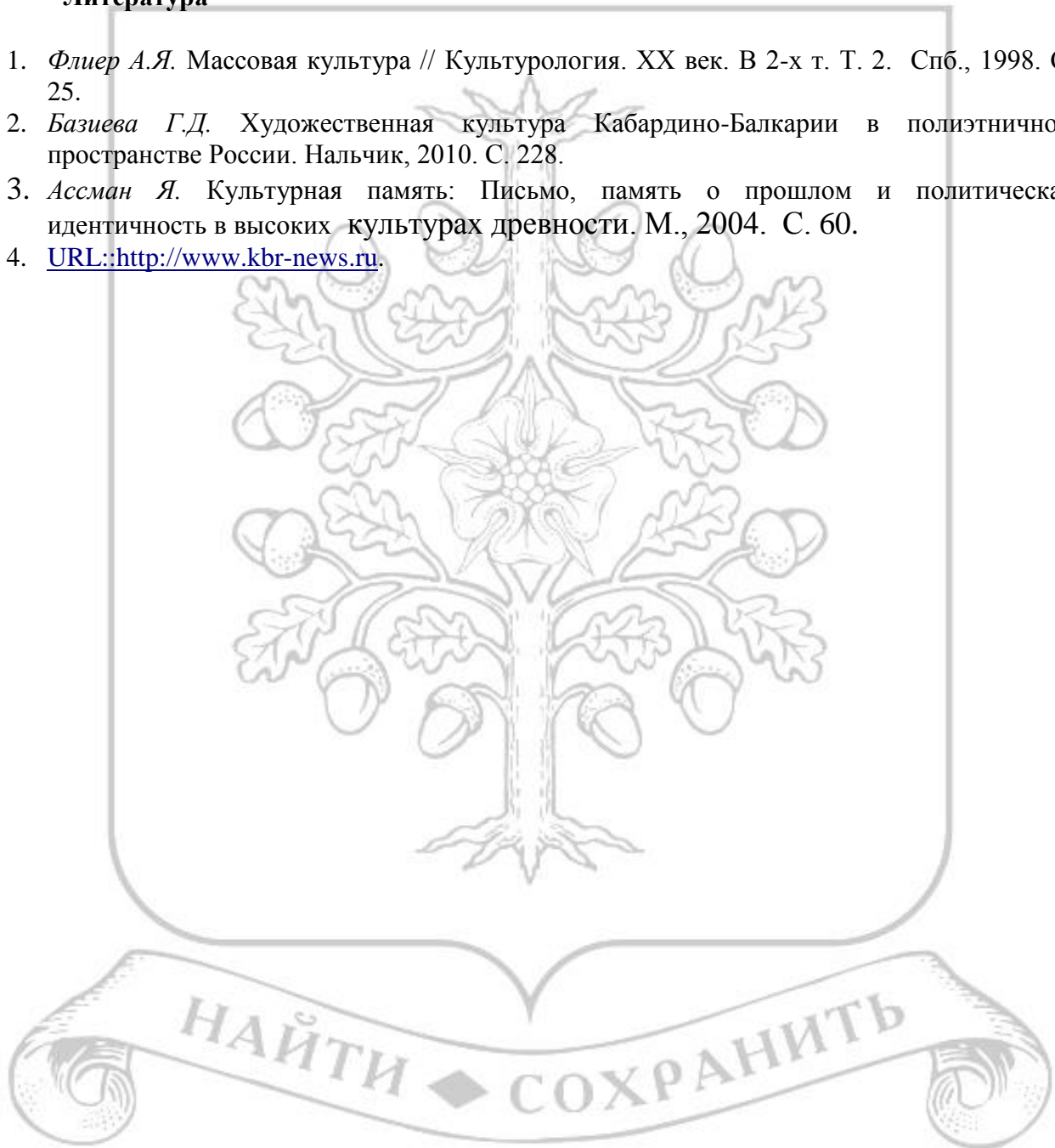
В программу праздника входил целый комплекс мероприятий: презентация различных видов хычинов, угощение гостей, старинные игры, конкурсы, а также благотворительный концерт, на котором выступали студенты из разных стран, звучали песни на балкарском, русском, кабардинском, турецком, арабском, казахском и немецком. В праздновании Дня балкарского хычина приняли участие и. о. министра по делам молодежи и общественных объединений КБР Б. Паштов и проректор Кабардино-Балкарского государственного университета, заслуженный деятель науки А. Шебзухов. В беседе с корреспондентом КВР-TIME Б. Паштов отметил: «Хотелось бы поблагодарить организаторов, руководство вуза за то, что в университете были созданы Центры культур, и эти центры существуют не на бумаге. Это не первое и, безусловно, не последнее мероприятие, на которое нас приглашают. Главное, что я хотел бы отметить, да – это национальный праздник, большое национальное действо, которое, по сути, интернационально и несет в себе объединяющее начало» [4].

Фестивали, смотры-конкурсы, национальные праздники – весь комплекс современной массово-зрелищной культуры является достаточно плодотворной и динамично развивающейся формой межкультурной коммуникации. Массово-зрелищной культуре, в целом, присущи действенность, коллективность, «развернутость на зрителя», эффекты соучастия и участия (дегустация блюд, национальные танцы, конкурсы, соревнования, народные игры и др.). Массово-зрелищные явления предполагают активное зрительское восприятие, сиюминутная зрительская реакция формирует разнообразие смысловых и эмоциональных оттенков каждого конкретного представления. В современный период система массово-зрелищной культуры сохраняет свою жизнеспособность благодаря вариативности, способности модифицироваться в связи с постоянно изменяющимися социально-культурными условиями. Но если художественные зрелища, несмотря на некоторые элементы трансформации, в современный период остаются «традиционными» и развиваются по законам «жанра», то явления зрелищного типа за последние 20 лет претерпели

значительные изменения и стали одной из наиболее оптимальных форм проведения различных государственных, региональных и этнических праздников, а также эффективным способом организации систематических контактов в сфере культуры, способствующих интеграции и стабилизации общественных отношений.

Литература

1. *Флиер А.Я.* Массовая культура // Культурология. XX век. В 2-х т. Т. 2. Спб., 1998. С. 25.
2. *Базиева Г.Д.* Художественная культура Кабардино-Балкарии в полиэтничном пространстве России. Нальчик, 2010. С. 228.
3. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 60.
4. [URL: http://www.kbr-news.ru](http://www.kbr-news.ru).

Гордиенко Андрей Борисович,
кандидат исторических наук,
заведующий отделом этнографии Ставропольского
государственного музея-заповедника,
г. Ставрополь

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

Ставропольский край – многонациональный и поликонфессиональный регион. По данным на 2008 г., здесь проживало 2 млн 705 тыс. человек. Это почти 2 % населения России. Наиболее многочисленные этносы на Ставрополье, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.: русские – 81,6 %, армяне – 5,5 %, украинцы – 1,7 %, даргинцы – 1,5 % [1].

На территории края проживают потомки степняков-кочевников (ногайцы и туркмены), русских и украинских крестьян-переселенцев, терские и кубанские казаки, представители горских народов Северного Кавказа и Закавказья.

Все разнообразие этноконфессиональной палитры региона в полной мере отражено на карте Ставрополья. Так, старейшие ставропольские села – Высоцкое (ныне – Петровский район, основано в 1784 г.), Обильное (ныне – Георгиевский район, основано в 1784 г.), Гофицкое (ныне – Петровский район, основано в 1764 г.), были заложены в конце XVIII в. русскими крестьянами, выходцами из центральных губерний – Орловской, Воронежской, Тамбовской.

Важную роль в освоении степей Юга России сыграли и украинцы из Полтавской, Херсонской, Черниговской, Винницкой губерний. Они основали на территории Ставрополья ряд поселений сельского типа, в частности – с. Соломенское (ныне – Степновский район, основано в 1880 г.), с. Камбулат (ныне – Туркменский район, основано в 1830 г.), с. Полтавское (ныне – Курский район, основано в 1909 г.).

Армянская диаспора региона, начавшая складываться в XVIII столетии, также образовала несколько экономически важных населенных пунктов, в частности, г. Буденновск (ранее – Святой Крест, основан в 1799 г.), с. Эдиссия (ныне – Курский район, основано в 1795 г.).

Представители кочевых народов – ногайцев и туркмен, во второй половине XIX в. начавших переходить к оседлости, также оставили свой след на карте Ставрополья. Ногайцами основаны следующие крупные поселения – Ачикулак (ныне – Нефтекумский район, осн. в 1830 г.), Кара-Тюбе (ныне – Нефтекумский район, осн. в 1861 г.), Каясула (ныне – Нефтекумский район, осн. в последней трети XIX в.). Туркмены образовали населенные пункты Летняя Ставка (ныне – Туркменский район, осн. в 1854 г.), Кендже-Кулак (ныне – Туркменский район, осн. в 1904 г.), Кучерла (ныне – Туркменский район, осн. в 1864 г.).

В пределах современных административных границ края находятся населенные пункты, созданные кубанскими и терскими казаками. К кубанским казачьим поселениям относят – г. Невинномысск (ранее – ст. Невинномысская, осн. в 1825 г.), ст. Темнолесская (ныне – Шпаковский район, осн. в 1794 г.), ст. Беломечетская (ныне – Кочубеевский район, осн. в 1825 г.); к терским – г. Новопавловск (ранее – крепость Павловская, осн. в 1777 г.), ст. Зольская (ныне – Кировский район, осн. в 1848 г.), ст. Старопавловская (ныне – Кировский район, осн. в 1773 г.) [2].

Отражение многообразия этнических и религиозных традиций народов Ставрополья в музейных коллекциях стало важнейшей задачей представителей культуры нашего региона еще в начале XX в. Ядро этнографической коллекции СГМЗ заложили предметы, собранные видным общественным деятелем, известным кавказоведом, отцом-основателем Музея Северного Кавказа Григорием Николаевичем Прозрителевым.

Он первым из местных краеведов начал планомерные этнологические изыскания на территории Ставропольской губернии. К 1924 г. в фондах Музея Северного Кавказа хранилось уже 20000 экспонатов [3]. Немалую их долю составляли памятники материальной и духовной культуры народов региона. Стоит отметить уникальную коллекцию горского оружия и орудий труда, предметы религиозного культа калмыков-ламаистов, костюмы различных этносов Предкавказья.

С образованием в 1927 г. в Ставрополе краеведческого музея, эти предметыполнили его собрания. И по сей день они являются наиболее ценными в этнографической коллекции музея-заповедника.

Еще одно масштабное пополнение фондов музея предметами традиционной культуры народов Северного Кавказа связано с реорганизацией музейной сети региона. В феврале 1927 г. в Ростове-на-Дону был открыт Музей горских народов. Первыми экспонатами нового музея стали 1679 книг, поступивших из государственного книжного фонда, фундаментальная библиотека по кавказоведению, 653 книги которой принадлежали бывшему наместнику Северного Кавказа князю Ширванидзе. Ростовские художники Д. Федоров, Ф. Черноусенко, В. Шлепнев выехали в 1925 г. в научно-художественную экспедицию в районы Северного Кавказа и привезли 463 цветных и черно-белых рисунка, в которых были запечатлены национальные типы, костюмы, жилища, предметы быта горских народов. С целью пополнения коллекций было также организовано 125 археологических и этнографических экспедиций, естественнонаучная экспедиция по Черноморскому побережью под руководством известного ученого-ботаника А.Ф. Флерова [4].

Просуществовал Музей горских народов лишь десятилетие. Он прекратил свое существование в связи с административной реформой. 10 января 1934 г. Северо-Кавказский край был разукрупнен. Его разделили на две половины: западную – Азово-Черноморский край, включая Адыгейскую АО, с центром в Ростове-на-Дону, и восточную – собственно Северо-Кавказский край, центром которого стал Пятигорск. Соответственно Музей горских народов с его

прежним местоположением потерял свою актуальность. В 1937 г. учреждение перестало существовать, а его коллекции покинули Ростов, чтобы разместиться в музеях Ставрополя и автономных республиках Северного Кавказа. Так наши фонды пополнились уникальными предметами горского быта, коллекцией картин, сделанных ростовскими художниками в ходе этнографических экспедиций, и многими другими ценными артефактами.

Этнографическое собрание музея понесло невосполнимые потери в период Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации Ставрополя (август 1942 – январь 1943 гг.). Гитлеровцами было уничтожено и вывезено в Германию 12 тысяч экспонатов и 2375 книг из библиотеки. Наиболее пострадала этнографическая коллекция и коллекция монет и медалей. Общая стоимость ущерба в отношении экспонатов составила 4559580 рублей [5].

В 1950–1990-е гг. этнографические коллекции музея продолжали пополняться, благодаря экспедиционной работе сотрудников музея на территории Ставрополя, Карачаево-Черкесии и западных районов Дагестана.

В 1995 г. многие из артефактов этой коллекции были впервые показаны в рамках только что созданной постоянной экспозиции: «Культура и быт народов Северного Кавказа».

В 2002 г. в структуре музея появляется отдел этнографии, который начинает заниматься систематическим пополнением профильных коллекций. Приоритетной для нового подразделения стала работа по следующим научным направлениям: этническая история, этносоциология, исследования культуры и этнорелигиоведение.

Немаловажная часть этих изысканий связана с экспедиционной деятельностью сотрудников отдела. В 2002 г. музей при финансовой поддержке Министерства культуры Ставропольского края начал реализовывать проект «Ставрополье, век XX». Он был направлен на фиксацию свидетельств очевидцев о событиях прошедшего столетия и сбор атрибутов материальной культуры народов края.

С 2002 по 2006 гг. было проведено 5 экспедиций (в полиэтничные Курский и Степновский районы, казачьи станицы Темнолесскую и Беломечетскую, русское село Гофицкое, село Привольное и хутор Богомоллов со смешанным, украинско-русским населением). В ходе полевых исследований опрошено около 200 респондентов, многие из которых являются старожилами и обладают уникальной информацией по истории своего населенного пункта.

Собрано 492 предмета музейного значения, имеющих отношение к истории изучаемых поселений, традициям и быту их населения. Среди них примечательны – коллекция железных кузнечных изделий начала XX в. (о.ф. 32614–32621), переданная жестянщиком Г. И. Даниловым из с. Эдиссия Курского района, амбарная лестница конца XIX в., обнаруженная в старом здании общественной хлебной ссыпки в ст. Беломечетской (о.ф. 34142, ныне экспонируется в зале этнографии), переданный жительницей этой же станицы С.А. Поповой кинжал кавказского типа «кама» рубежа XIX-XX столетий (о.ф.

34145), латунная солдатская кружка времен Первой мировой войны с орнаментом и надписями (о.ф. 33294), подаренная музеем М. М. Юркиной из ст. Темнолесской.

По мере реализации проекта детализовалась стратегия экспедиционной работы. На первый план вышел сбор материалов этнографического характера – информации о традициях, обычаях, религиозных воззрениях, трудовых и досуговых практиках, быте населения Ставрополья, современной этноконфессиональной ситуации в разных его районах.

В 2013 г. музеем, при поддержке Комитета по делам национальностей и казачества Ставропольского края и Министерства культуры Ставропольского края, начал реализовываться экспедиционный проект «По станицам терских казаков». Его главная задача – сохранение, изучение и репрезентация самобытной культуры терского казачества.

Первым опытом реализации проекта стала экспедиция, осуществленная в станицу Старопавловскую Кировского района, которая является одним из старейших казачьих поселений, расположенных на территории Ставропольского края. В ходе полевых исследований сотрудниками отдела этнографии было записано свыше 30 интервью с местными жителями, собран ряд предметов музейного значения.

На данный момент времени созданы перспективы для дальнейших экспедиционных изысканий, пополнения фондов музея собранными предметами этнографии, популяризации полученной научной информации.

Литература

1. Гордиенко А.Б. Ставрополье – оплот российской государственности на Северном Кавказе // Социальная роль библиотеки для слепых: традиции и инновации: материалы Всероссийской конференции специальных библиотек, Ставрополь, 7–9 ноября 2012 г. Ставрополь, 2012. С. 8–9.
2. Малявко И.Б. Ставропольский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны // Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 1. Ставрополь, 2005. С. 83.
3. Прозрителев Г.Н. Музей Северного Кавказа (в Ставрополе Кавказском). Владикавказ, 1924.
4. Этнический атлас Ставропольского края / В.С. Белозеров, А.Н. Панин, В.В. Чихинин. Ставрополь, 2008. С. 9, С. 126.
5. http://www.rostov50.ru/musej_kraevedeniya.html

Дзеранов Тимур Ефимович,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник отдела этнологии
и антропологии Северо-Осетинского института
гуманитарных и социальных исследований,
г. Владикавказ

КАВКАЗСКАЯ НАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОСЕТИИ)

В настоящее время деструктивные силы внутри России и за ее пределами прилагают значительные усилия на расшатывание целостности российского государства и единства его многонационального народа. С этой целью используется этнокультурный и религиозный факторы. Эти факторы сыграли определенную, но не решающую, роль в распаде СССР.

Целью данной работы является показ на примере Осетии роли и места национальных культур в едином российском культурном пространстве, рассматриваемом нами как Российско-евразийская цивилизация. На примере одного народа – осетин – можно рассмотреть общие закономерности, по которым происходит сложение и развитие этнических особенностей культуры народов Северного Кавказа. А также провести анализ процесса передачи отдельных элементов культурного достояния от одних народов к другим в различные исторические периоды. Центральной проблемой исследования является специфика процесса трансформации осетинской традиционной культуры в национальную в пределах Российской цивилизации.

На чем основывается единство народов российского Кавказа и их культур? Они формировались в рамках единой евразийской цивилизации, высшим этапом развития которой является Российская цивилизация. Евразийская по своим корням Российская цивилизация – это целостная совокупность духовно-нравственных и материальных форм существования русского народа, определившая его историческую судьбу и сформировавшая его национальное сознание, и оказавшая влияние на формирование национальной культуры многочисленных народов, входивших в Империю.

Понятия «Евразия» как единое социокультурное пространство и «Евразийская цивилизация» сформировались относительно недавно – в начале XX века. Но, как «исторически изменчивая целостность», имеющая специфические черты, Евразийская цивилизация имеет тысячелетнюю историю. Корнями она уходит в античную цивилизацию и скифскую протоцивилизацию. «Евразия» охватывает территорию от Балкан до бассейна Амура. Социокультурным «стержнем» или «осью» евразийской цивилизации является «Великая Степь» и прилегающая к ней территория, в Новое время ставшие частью Российской империи. С античного до золотоордынского периодов развитие данной цивилизации происходило в форме диалектически взаимодействовавших цивилизационных компонентов – кочевого и оседлого. Развитие предков осетин – скифов, сарматов, алан (участвовавших в этногенезе

многих народов Кавказа и Восточной Европы) – проходило в рамках евразийской цивилизации.

В средние века в процессе развития евразийской цивилизации в ней доминировали Византия и Монгольская империя. Киевская Русь и Алания унаследовали многие достижения Византийской цивилизации, в частности, православное христианство. Монгольская империя впервые объединяет евразийское пространство в рамках единого государства. В составе Золотой Орды происходит объединение русских земель в Московское царство, формируется его государственная структура. Частью Золотой Орды становится средневековая Алания.

В конце XV в., после вторжения на Северный Кавказ войск Тимура, аланское население в предгорье и на равнине было уничтожено. Из ранее многочисленного народа на Кавказе сохранилась лишь небольшая часть алан, ушедшая от погромов в труднодоступные горные ущелья и известная с этого времени как осетины. В новых, неблагоприятных природных условиях, в социально-экономическом развитии осетин наблюдается стагнация, многие типичные для алан достижения евразийской цивилизации были утрачены, другие трансформировались в новой среде обитания. Но сохраненная народом часть духовного наследия, позволила осетинам в составе Российской империи за короткий исторический срок включиться в единое евразийское цивилизационное пространство.

При исследовании социальных отношений и политической ситуации в Северной Осетии накануне присоединения к России возникают определенные трудности. Необходимо отметить, что однозначно охарактеризовать уровень социокультурного развития горцев (и степняков) Северного Кавказа до присоединения к России исследователи не смогли. Некоторые аспекты этой проблемы продолжают оставаться предметом дискуссии и в наше время. Несмотря на небольшую территорию и этническую однородность населения, разрозненные осетинские «общества» отличались друг от друга по уровню развития социальных отношений. Каждое «общество» имело свои особые взаимоотношения с соседними народами – ингушами, грузинами, кабардинцами, русскими (казаками) и др. В некоторых из них (Дигория, Тагаурия) различные социальные и территориальные группы имели свою внешнеполитическую ориентацию и постоянно враждовали между собой.

Исследователями процессов социокультурного развития Северного Кавказа большое значение придается формам присоединения Кавказа к Российской империи и управления краем. Период включения территории Кавказа и населяющих ее народов в состав российского государства, их развитие как субъектов великой евразийской державы на разных этапах ее развития (Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации) рассматриваются без учета российской и региональной специфики. Характер дискуссии о формах присоединения народов Северного Кавказа и управления краем, сильно идеологизирован; постановка данной проблемы некорректна с научной точки зрения.

Кавказ со времен Халифата является границей двух культурных миров – христианского и мусульманского. Политика царского правительства по отношению к христианам и мусульманам Северного Кавказа была непоследовательной. С одной стороны, Россия выступает в роли защитника христиан Кавказа, прилагает значительные усилия в деле «восстановления православного христианства на Кавказе». С другой стороны, правившие от имени царского правительства кавказские наместники, будучи проводниками сословной политики царизма, ориентировались на союз с местными социальными элитами, представленными даже в «христианской» Осетии феодалами-мусульманами, предоставляя им различные льготы. В частности, правителем «христианской» Осетии был назначен лидер осетинской мусульманской общины полковник царской армии Мусса Кундухов.

Социокультурные процессы в России в период присоединения Кавказа имели свои особенности. Заметно ускорение темпов развития, происходит дифференциация (или специализация) различных сфер культурной деятельности (особенно в науке, образовании, литературе). Происходит усложнение самого культурного процесса – большее «соприкосновение» и взаимовлияние различных областей культуры: философии и литературы, живописи и музыки и т. д. Идет процесс формирования русской национальной культуры.

Необходимо отметить также усиление процессов диффузного взаимодействия между составляющими формирующейся русской национальной культуры – официальной («высокой» профессиональной, «национальной») культурой, опекаемой государством, и культурой народных масс («фольклорным» пластом»). Русская народная культура на территории Терской области, частью которой являлась Северная Осетия, была представлена несколькими субкультурами – культурой терских казаков, «иногородних», состоявших из крестьян и горожан разных губерний, этноконфессиональной общиной «молокан», а также переселенцев с Украины. Русская национальная культура в период становления отличалась особой восприимчивостью к иноземным новшествам, сближаясь с европейской культурой. Эта особенность были воспринята формирующейся осетинской национальной культурой. Национальная культура осетин, а также русских и других народов России формировалась как этнокультурный компонент единой Российско-евразийской цивилизации.

Для нормального развития осетинского общества необходимо было преодолеть изоляцию народа в горных ущельях и восстановить нормальные социально-экономические связи с равнинными районами, а также между осетинскими «обществами» различных ущелий. Эта необходимость ощущалась народом, и когда северокавказские степи оказались во власти Российского государства, в общественном сознании значительной части осетинского народа Россия стала восприниматься как сила, способная осуществить его вековые чаяния. Осетины оказались открытыми для разносторонних контактов с русскими и восприятия русского культурного влияния.

После переселения на равнину осетины, включившись в единое социально-экономическое, правовое и культурное российское пространство, за относительно короткий исторический период прошли в своем развитии путь от традиционного общества к обществу модернизационному и формированию нации. Это стало возможным благодаря следующим факторам: 1) Осетины, сохранив многие элементы евразийской культуры, оказались открытыми для «христианского просвещения» горцев, организованного Русской православной церковью, и освоения ими достижений русской, а через нее – мировой «христианской» культуры; 2) Исторический опыт подготовил осетин к переменам, к которым привели переселение на равнину, подчинение законам России и принятие новых социокультурных реалий.

Главным итогом присоединения Осетии к России стало формирование осетинской нации и национальной культуры, являющейся, наряду с культурой других народов России, этнокультурным компонентом единой Российско-евразийской цивилизации.

Карякин Андрей Владимирович,
генеральный директор Краснодарского
государственного историко-археологического
музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына,
г. Краснодар

**МУЗЕЙ КАК ТЕРРИТОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: ОПЫТ РАБОТЫ
КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ИМ. Е. Д. ФЕЛИЦЫНА**

Краснодарский государственный историко-археологический музей имени Е. Д. Фелицына, являясь научно-исследовательским и научно-просветительским учреждением, занимается изучением и популяризацией историко-культурного наследия народов, проживающих на территории Краснодарского края. Свою историю современный музей ведет от Кубанского Войскового этнографического и естественно-исторического музея (1879 г.), возникшего в пореформенный период как один из социальных институтов, формирующих образ региона и раскрывающий этническую структуру населения [1]. Идея создания музея была воплощена региональным историком Е. Д. Фелицыным после участия кубанской этнографической коллекции во Всероссийской антропологической выставке в Москве в 1879 г. Подобная выставка, несомненно, была обусловлена общемировой тенденцией – возникшим в XIX в. интересом к историческому наследию и национальной культуре [2].

Историко-краеведческая направленность музея была predetermined с момента его основания. Как и большинство провинциальных музеев Российской империи, он стал центром изучения местного региона, инициатором организации археологических, этнографических и естественнонаучных экспедиций [3].

На сегодняшний день Краснодарский государственный историко-археологический музей им. Е. Д. Фелицына является площадкой культурного обмена различных общественных организаций и социальных институтов, представляющих этнические общности Краснодарского края, «территорией» межкультурного диалога. Эта тенденция проявляется во всех сферах деятельности музея. В научно-экспозиционной она выражается в создании проектов, раскрывающих специфику истории и бытового уклада не только казаков, но и коренного населения – адыгов. Примером тому служит созданная в тесном сотрудничестве с Национальным музеем Республики Адыгея выставка «На рубежах государства Российского», где представлена коллекция предметов материальной культуры славянского и горского населения – одежда, утварь, украшения, обмундирования, старинные фотографии и др. Выставка охватывает достаточно большой хронологический период, посвящена историко-археологическому освоению Кубани с IX по начало XX вв.

Не менее интересным оказался и наш второй совместный выставочный проект «Мир женщины в интерьерах исторической памяти». Представленные

на выставке экспонаты (ювелирные изделия, образцы старинного золотого шитья, одежды, предметы быта) позволили показать посетителю сложный и в то же время особенный мир адыгской женщины и женщины-казачки. Эта выставка преследовала несколько задач. С одной стороны, она была направлена на создание позитивного имиджа Республики Адыгея и Краснодарского края как субъектов РФ с самобытными культурными традициями. С другой стороны, два музейных учреждения стремились наглядно продемонстрировать возможности укрепления единого культурного пространства, культурных связей между регионами.

Не меньший резонанс получила выставка «Православная Осетия», посвященная 1100-й годовщине официального принятия христианства Осетией. Выставка проводилась при участии Министерства культуры и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания, Национального музея РСО-Алания, Ставропольской и Владикавказской епархий. Посетители познакомились не только с историей христианизации Осетии, но и с традиционным бытом осетинского народа. Проект способствовал расширению коммуникативных связей с осетинской общиной края. Позже они принимали активное участие в «Ночи музеев – 2012».

Традиция комплектования этнографических материалов заложена еще в дореволюционный период, когда заведующий музеем К. Т. Живило предложил создать в Екатеринодаре постоянно действующую этнографическую выставку и позже этнографический музей под открытым небом. Планировалось перенести подлинные постройки, характерные для черноморских и линейных станиц Кубанского края, жилища адыгов.

Выставка состоялась в период осенней кубанской ярмарки, в сентябре 1910 года, на окраине Екатеринодара. Наряду с показом старинных предметов, орудий труда, особое внимание уделялось пропаганде местного фольклора. Была сооружена площадка, где исполнялись народные песни черноморских и линейных казаков, адыгов. Участники концертов показали мастерство игры на музыкальных инструментах – бандуре, волынке, гармонике. Из многих станиц были привезены редкие старинные предметы: холодное оружие, мундиры казаков конвоя императора Александра III, черкески и бешметы XIX века, сельскохозяйственные орудия. Большинство этих предметов сохранилось до наших дней и составляет уникальный фонд Краснодарского музея-заповедника. События Первой мировой войны не позволили создать музей под открытым небом.

В советское время также проводились этнографические экспедиции. В 1930 – 1940 гг. состоялись выезды в Приморско-Ахтарск к уникальной группе старообрядцев – казаков-некрасовцев. Были собраны несколько костюмных комплексов традиционной одежды, утварь, богослужебные книги, зафиксированы виды традиционных жилищ. Ныне предметы выставляются в «Литературном музее Кубани».

Во второй половине 1970 – начале 1980 гг. в рамках подготовки по созданию этнографической деревни «Кубанская казачья станица» под

открытым небом ежегодно проводились этнографические экспедиции, позволившие существенно пополнить музейный фонд предметами быта кубанских казаков. Подобные этнографические музеи были созданы в Прибалтике, Ростовской области (музей Донской станицы формировался в Старочеркаске вокруг церквей и старинных казачьих построек). В старом районе Краснодара выявлены и собраны мемориальные предметы атамана Кубанского казачьего войска Я. Г. Кухаренко, образцы кузнечного ремесла XIX в. – решетки, козырьки с парадных входов домов, художественная ковань [4]. Идея создания этнографической деревни в силу различных обстоятельств так и не была реализована, а воплотилась лишь в 2000-х гг. в создании этнографического комплекса «Атамань».

В 1970 – 80 гг. в связи со строительством Краснодарского водохранилища музей также организовал несколько этнографических экспедиций в 19 аулов Адыгейской АО (а. Лакшукай, Новый Казанукай, Пшекуйхабль, Эдепсукай, Шабайохабль, Начерезий), чтобы «спасти и сохранить для поколений частицы национальной культуры». В результате были собраны экспонаты, характеризующие социально-экономические и социокультурные аспекты жизни адыгов конца XIX – начала XX вв.: предметы быта, труда, религиозного культа, украшения. Большой интерес представляли пряжки от женских поясов из кавказского серебра с чернью; коллекция золотошвейных изделий (сумочки, веер, футляры для ножниц, часов, вешалки для полотенец); самодельный сундучок для хранения украшений; культовые обрядовые предметы (череп коровы, вешалки и трости из рогов животных, молитвенники, четки), черкесский мужской костюм и др. экспонаты. Изучена архитектура жилищ, подворных построек, оригинальных лепных печей [5].

На сегодняшний день скомплектованы материалы не только по казакам и адыгам, но и по армянам, грекам, евреям, полякам и др. Планируется построение экспозиционного зала «Народы Кубани», где будут представлены как коренное население, так и малочисленные этнические группы, проживающие в регионе. Этнографические предметы также используются при ходе мероприятий, например, «Устный журнал»: образ женщины в культуре народов Кубани». Данные мероприятия были проведены совместно с Центром национальных культур по адыгам, украинцам, армянам и полякам. (фото 10–11)

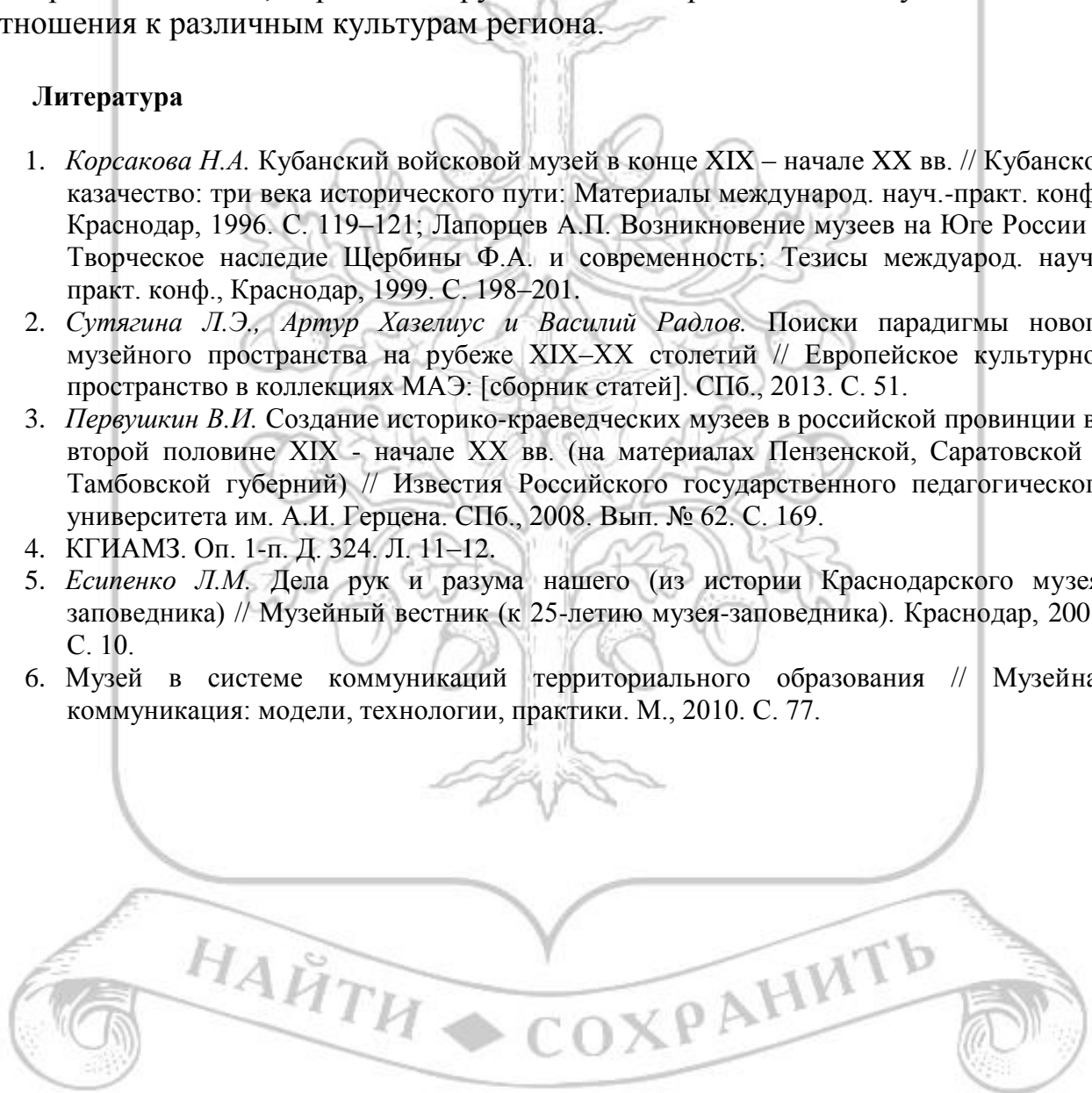
Краснодарский государственный историко-археологический музей им. Е. Д. Фелицына как научно-исследовательский центр проводит ежегодно две научно-практические конференции: по археологии «Анфимовские чтения» и «Фелицынские чтения» историко-музееведческой направленности, в которых принимают участие ученые и музейщики не только из России, но и из-за рубежа. В этом году выездное заседание конференции «Фелицынские чтения – 16» пройдет на базе нашего давнего партнера – Национального музея Республики Адыгея. В ходе конференции планируется обсудить вопросы культурой коммуникации в многонациональном регионе в прошлом и настоящем и, соответственно, выбрана следующая тема «Северный Кавказ как

пространство диалога. Межконфессиональные и межэтнические отношения в прошлом и настоящем».

Таким образом, по меткому замечанию В. Дукельского, на современном этапе развития российского общества «провинциальный музей остается единственным учреждением, реально работающим на формирование идентичности локального сообщества и его консолидацию» [6]. Краснодарский государственный историко-археологический музей имени Е. Д. Фелицына популяризирует историко-культурное наследие полиэтничного населения Северного Кавказа, пропагандируя идеи толерантности и уважительного отношения к различным культурам региона.

Литература

1. *Корсакова Н.А.* Кубанский войсковой музей в конце XIX – начале XX вв. // Кубанское казачество: три века исторического пути: Материалы междунаро. науч.-практ. конф., Краснодар, 1996. С. 119–121; *Лапорцев А.П.* Возникновение музеев на Юге России // Творческое наследие Щербины Ф.А. и современность: Тезисы междунаро. науч.-практ. конф., Краснодар, 1999. С. 198–201.
2. *Сутягина Л.Э., Артур Хазелиус и Василий Радлов.* Поиски парадигмы нового музейного пространства на рубеже XIX–XX столетий // Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ: [сборник статей]. СПб., 2013. С. 51.
3. *Первушкин В.И.* Создание историко-краеведческих музеев в российской провинции во второй половине XIX - начале XX вв. (на материалах Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерний) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2008. Вып. № 62. С. 169.
4. КГИАМЗ. Оп. 1-п. Д. 324. Л. 11–12.
5. *Есипенко Л.М.* Дела рук и разума нашего (из истории Краснодарского музея-заповедника) // Музейный вестник (к 25-летию музея-заповедника). Краснодар, 2001. С. 10.
6. Музей в системе коммуникаций территориального образования // Музейная коммуникация: модели, технологии, практики. М., 2010. С. 77.

Лиджиева Ирина Владимировна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории и археологии
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН,
г. Элиста

ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ РЕГИОНА

Гражданское общество – один из феноменов новейшего времени, совокупность неполитических отношений и социальных образований, объединенных специфическими интересами (экономическими, этническими, культурными и т. д.), реализуемыми вне сферы деятельности властно-государственных структур и позволяющими контролировать действия государственной машины. В становлении гражданского общества в современной России существенную роль играет национальный фактор. Российская Федерация является многонациональной страной, объединяющей представителей более чем 180 этнических групп, в силу чего взаимоотношения между народами являются вопросом первостепенной важности. Многие важнейшие социальные процессы ныне имеют этнически окрашенный характер, что предопределило один из приоритетных векторов развития гражданского общества – взаимоуважительные отношения между конфессиями и народами.

Анализ дефиниций «нация», «этнос» в отечественном обществоведении позволил выявить наличие двух основных подходов в их определении. В первом случае под нациями понимаются сообщества граждан того или иного государства независимо от их этнической принадлежности. Сторонником этого подхода является директор института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков [5]. Представители второго подхода под нациями или нациями-этнотами подразумевают самобытные, автохтонные народы, друг на друга не похожие, но живущие, тем не менее, в рамках одного государства, либо не находящиеся в дисперсном состоянии, но сохраняющие единое этническое самосознание. По нашему мнению, наиболее приемлемое определение, применительно к России, дает Р. Г. Абдулатипов, один из активных приверженцев этого подхода, который подчеркивает: «Россия – это содружество «наций-этносов», с одной стороны, и «нация-государство», единое для всех этносов, с другой. В этом заключаются особенности ее развития. Россия пытается организовать нацию-государство, сохранить и обеспечить исторические перспективы для «наций-этносов» [1, 96].

На всем постсоветском пространстве этносы бывшего СССР переживают качественно новый этап своего развития, названный «этническим ренессансом». Для данного этапа характерны рост этнического самосознания и большое внимание к проблемам сохранения и развития национальных культур, языков, традиций, обычаев и других атрибутов этничности.

Калмыки добровольно вошли в состав России более 400 лет назад, совместно проживая с представителями множества национальностей, в итоге

современная Калмыкия представляет собой целостное, исторически сложившееся многонациональное образование. В ходе длительного совместного проживания на общей территории представители разных национальностей накопили ценный опыт межнационального общения. Процессы национального возрождения 90-х гг. XX века не повлекли за собой конфликты на национальной или религиозной почве, а способствовали гармоничному сосуществованию всех народов, населяющих республику. Частота межэтнических контактов в данном регионе, естественно очень высока, поэтому важно знать особенности протекания межэтнического взаимодействия и факторы, способствующие позитивным межэтническим отношениям.

В свое время американский социолог П. Сорокин писал: «Из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительства порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь. В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы «помора», «ярославца», «сибиряка» и т.п.» [4, 72]. То же самое касается и жителей Калмыкии. В настоящее время республика прочно сохраняет благоприятную общественную атмосферу, взаимоуважение людей разных наций. И, тем не менее, есть определенные основания не оставлять этот вопрос без внимания, постоянно выяснять мотивы поведения людей в области межнациональных отношений.

В 1999, 2002 и 2011 гг. автор участвовал в проведении социологических опросов населения с целью выявления состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Калмыкия. В качестве индикаторов межэтнической толерантности выступили оценка межнациональной ситуации в республике и в месте своего проживания, реакция респондентов на межнациональные конфликты и отношение к браку с человеком другой национальности. Однако следует отметить, что проявление толерантности в предполагаемых гипотетических ситуациях демонстрируется респондентами, как правило, шире, чем в реальном поведении.

Результаты опроса показали динамику межнациональных взаимоотношений в разрезе указанных лет. Максимальный уровень положительных оценок межнациональных отношений респондентами в местах своего проживания приходится на начало 2000-х годов, которые характеризовались относительной стабильностью, в отличие от переходного периода конца XX века и посткризисных тенденций новейшей истории. Внутренняя и внешняя миграция, как следствие мирового финансового кризиса, на наш взгляд, предопределила снижение уровня положительной оценки состояния межнациональных отношений в регионе. По данным социологического опроса 2011 г. 47,5% респондентов оценивают межнациональные отношения в республике в целом как стабильные, но не беспроблемные, 41,3% из числа опрошенных считают их благоприятными, 5,2% – напряженными, тревожными; 4,2% – конфликтными. Интересен тот

факт, что межнациональные отношения в республике оценивают как стабильные, но не беспроблемные 48,9% калмыков, 47,6% русских и только 35,5% представителей других национальностей. Это свидетельствует о том, что коренное население республики обеспокоено сложившейся ситуацией в сфере межнациональных отношений, оценивая ее как стабильную, но не беспроблемную. Дальнейший анализ результатов исследования, исходя из возрастных и образовательных характеристик, показывает следующее:

– чем старше респонденты, тем они лояльнее в оценке межнациональных отношений;

– чем ниже уровень образования респондентов, тем более положительные оценки состояния межнациональных отношений в месте своего проживания.

В связи с этим, можно предположить, что люди старшего поколения, имея зачастую невысокий уровень образования, по сравнению с представителями молодого и среднего поколения, в положительной оценке межнациональных отношений опираются на свой жизненный опыт, который делает людей более терпимыми друг к другу.

В современный период, в связи с усилившимися процессами глобализации, взаимодействие между этносами усиливается. Связано это, прежде всего, с ростом как внутренней, так и внешней миграции. Из-за увеличения числа мигрантов все больше проявляются различные формы нетерпимости, ксенофобии, экстремизма и терроризма. Подобные формы проявления интолерантности способствуют возникновению межнациональных конфликтов. Для выявления реакции граждан на межнациональные конфликты был задан вопрос: «Представьте себе, что в Вашем населенном пункте возник конфликт на национальной почве. Какова будет Ваша реакция?». Ответы респондентов распределились следующим образом (Диаграмма 1):

Диаграмма 1

Реакция респондентов на межнациональные конфликты, %

Приведенные в диаграмме данные свидетельствуют о негативном отношении населения региона к конфликтам на национальной почве и активной позитивной позиции, выраженной в желании примирить участников возможного конфликта.

Одной из важнейших характеристик межэтнических отношений является этническая толерантность, которая в отечественной этнопсихологии трактуется

как «отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной» [3, 46]. Формирование толерантности неотделимо от процесса становления и развития гражданского общества. Во многих культурах понятие «толерантность» является своеобразным синонимом «терпимости»: от латинского – *tolerantia* – терпение; английского – *tolerance, toleration*; немецкого – *toleranz*; французского – *tolerance*. Идеи толерантного сознания были заложены еще в античные времена и восходят к истории философской мысли и политическим учениям разных исторических периодов. В Древнем мире идеи и практика толерантности выражались, прежде всего, в терпимости к иноплеменным богам и культам. В научный оборот понятие «толерантность» было введено в XVIII веке. В России оно стало употребляться в либеральной печати с середины XIX в., но с середины 30-х годов XX в. оно исчезло из политической лексики, пока вновь не появилось в начале 90-х гг. Декларация принципов толерантности, принятая ЮНЕСКО в 1995 году, определяет толерантность следующим образом: «...ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважение к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовность к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям».

Анализ научных исследований по межэтническим отношениям позволил выделить следующие типы толерантности:

активная толерантность – открытость, готовность к межэтническим контактам;

пассивная толерантность – нерегулярность межэтнических контактов, склонность общаться с представителями своей национальности при сохранении позитивного отношения к представителям иноэтнических групп;

избирательная толерантность – межэтнические контакты носят ограниченный характер по какому-либо признаку – языку, религиозной принадлежности, культурным особенностям;

вынужденная толерантность – межэтнические контакты возникают под давлением обстоятельств и носят сугубо деловой характер, например, по служебной линии;

интолерантность – категорическое нежелание взаимодействовать с людьми другой культуры.

Этническая толерантность во многом определяется длительностью совместного проживания, развитием многообразных форм межкультурного взаимодействия, поскольку она по своему значению и должна формироваться прежде всего в культуре. Реальными формами проявления толерантности можно считать межэтнические браки, распространение двуязычия, аккультурацию.

Межэтнические семьи – социальные институты общества, в которых происходит трансформация этнического самосознания, закрепляется и совершенствуется все то положительное, что накоплено этносами в области культурного развития, сохранения традиций, обычаев, языка. Проведенное исследование предусматривало выявление отношения населения к межнациональным бракам, которое показало, что 56% респондентов положительно относятся к межнациональным бракам, из них – 62,4% женщин и 50,3% мужчин; 15,1% – допускают межнациональные браки между представителями родственных народов; 12,7% – относятся к этому безразлично; 12,5% – межнациональные браки не одобряют; 2,8% респондентов затруднились ответить. Люди всех возрастных категорий, вне зависимости от места жительства, в большинстве своем относятся к межнациональным бракам положительно. Люди всех возрастных категорий, вне зависимости от места жительства, в большинстве своем относятся к межнациональным бракам положительно. Кроме того, в данном случае наблюдается небольшая положительная динамика, если в 1999 г. только 45,8% горожан и 45% сельчан оценивали свое отношение к межнациональным бракам как положительное, то в 2011 г. этот показатель составил 57,9% и 54,6% соответственно. Можно предположить, чем более разнороден состав жителей города или села, тем чаще им приходится в повседневной жизни иметь дело с представителями других национальностей, тем больше у них шансов установить дружеские связи с людьми других этнических групп, тем больше вероятность смешанных браков. Положительная динамика межэтнической брачности свидетельствует о стабильности межэтнических отношений, благоприятном климате их развития, а также является позитивным показателем устойчивости социально-экономической ситуации в регионе в целом. Межэтнические браки усиливают этнические контакты и способствуют сближению народов. По мнению Б. М. Алимовой, межэтнические браки, являясь следствием усиления социально-культурных и других контактов народов, в свою очередь, еще теснее сближают народы, способствуют интернационализации культуры, быта, повседневной жизни [1, 98].

Культурные контакты являются существенным компонентом общения между народами. В процессе аккультурации каждый человек одновременно решает две важнейшие проблемы: стремится сохранить свою культурную идентичность и включается в чужую культуру. Еще недавно исследователи считали, что наилучшей стратегией аккультурации является полная ассимиляция с доминирующей культурой. Сегодня же целью аккультурации является достижение интеграции культур, дающее в результате бикультурную или мультикультурную личность. При взаимодействии культуры не только дополняют друг друга, но и вступают в сложные отношения, при этом в ходе указанного процесса каждая из них обнаруживает свою самобытность и специфику, адаптируясь путем заимствования лучших особенностей каждой из них. Успешность аккультурации в психологическом аспекте определяется позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью.

С возрастанием политических, культурных и социально-экономических взаимодействий между различными народами усиливается и коммуникативная роль языка. В полиэтничествах с ростом национального самосознания у народов возрастает стремление к сохранению самобытных национальных культур, возрождению своих языков. При этом необходимо, чтобы язык служил средством для консолидации и лучшего взаимопонимания народов, а не становился основой межэтнических конфликтов. Языковая толерантность в России последовательно реализуется как принцип государственной политики на федеральном уровне и уровне субъектов федерации. В соответствии с Конституцией Российской Федерации запрещены любые ограничения прав граждан по признакам национальной и языковой принадлежности, равно как и пропаганда превосходства по этим признакам (ст. 19 и 29), постулировано право пользования родным языком и свободный выбор языка обучения и воспитания (ст. 26), гарантировано всем народам России право на сохранение родного языка и создание условий для его развития (ст. 68). Согласно Федеральному закону № 126-ФЗ от 24.07.1998 г. «О языках народов Российской Федерации» государство гарантирует каждому гражданину право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества независимо от его происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания. Закон № 30-ПЗ от 21.10.1999 г. «О языках народов Республики Калмыкия» призван обеспечить народам, населяющим территорию Республики Калмыкия, достойные условия для беспрепятственного и свободного использования родного языка в различных сферах общественной жизни; гарантировать возрождение, сохранение и развитие языка как важнейшего духовного достояния народов, населяющих республику. Двуязычие как политика является составной частью политического механизма межнационального общения, направленного на формирование и развитие национальностей в процессе становления и развития гражданского общества.

Таким образом, факторами, объединяющими здесь различные этнические группы в единую социальную общность, является среда обитания, процессы взаимовлияния культур, историческое прошлое и другие, многие из которых обусловлены совместным этнокультурным развитием. Результаты теоретического и эмпирических исследований вопросов межличностных отношений в межнациональном общении, однозначно свидетельствуют об одном – формирование основ толерантности является важной составляющей становления личности, а также будущего субъекта брачных, трудовых, иных межличностных отношений и гражданина в целом. Таким образом, в условиях многонациональности, многоконфессиональности, многообразия культур являются залогом социально-политической стабильности и благоприятным условием для становления и развития гражданского общества.

Литература

1. *Абдулатипов Р.Г.* Этнополитология. Спб., 2004.

2. *Алимова Б.М.* Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем. Махачкала, 1987.
3. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
4. *Сорокин П.* Социальная мобильность (пер. с англ. М.В Соколовой). М., 2005.
5. *Тишков В.А.* Этнология и политика: Ст. 1989–2004 гг. 2-е изд. М., 2005.

Луганская Галина Борисовна,
кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник отдела славяно-адыгских
культурных связей Адыгейского республиканского
института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева;

Денисова Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук,
заведующая отделом славяно-адыгских
культурных связей Адыгейского республиканского
института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева,
г. Майкоп

СЛАВЯНО-АДЫГСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР (ИЗ ОПЫТА РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ ДОЛГОСРОЧНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ)

Наука и культура связаны неразрывно и предпринимают шаги, направленные на консолидацию и мирное сосуществование народов Северного Кавказа и России в целом.

Современная международная и, как ее часть, российская действительность настойчиво диктуют необходимость замены конфронтации и противостояния между странами и народами экономическими, социальными и культурными диалогами равноправных субъектов с целью формирования «интеллектуальной и моральной солидарности» [1]. Вместе с тем, человечество до конца не осознало жизненную важность подобной переориентации, игнорируя диалог как имманентно присущее личности, обществу и культуре состояние, являющееся необходимым условием исторического развития.

Остроту современному диалогу придает этническая и конфессиональная мобилизация как антипод глобализации в политике, экономике и культуре. Благоприятные условия для оптимального и мирного разрешения данного противоречия создает диалог культур. В России этот процесс имеет свои особенности, обусловленные пестрым этническим и конфессиональным составом населения, политическим и культурно-историческим опытом формирования государства, спецификой исторических связей центра с окраинами.

Современная Россия стоит перед новым вызовом, связанным с проблемой диалога – значительным возрастанием этнического патриотизма как следствием активизации национального и культурного самосознания народов и стремлением на этой основе сохранить этническую идентичность, и снижением уровня общегражданского, общероссийского патриотизма, игнорирование которым грозит развалом страны. Социогуманитарная наука пока не предлагает сколь-нибудь действенных мер по решению этой задачи. Рассуждения ряда историков, социологов и философов о региональном патриотизме не представляются убедительными и не могут рассматриваться как адекватный ответ на поступивший вызов. Его поиск, а впоследствии и решение, как

представляется, лежат в системе координат не просто диалога, а именно **диалога культур**, оцениваемого не только в перспективе, но и в исторической ретроспективе.

Диалог культур представляется наиболее важным и актуальным в числе всех разновидностей диалогов. Проблема диалога культур имеет большое значение как для историко-культурологической теории и социогуманитарной науки, переживающих «концептуальную революцию» и утверждающую как основной методологический принцип – принцип диалогизма, так и для современной политической и социокультурной практики. Причин тому несколько. Во-первых, гражданам России необходимо, используя весь предшествующий позитивный культурно-исторический опыт взаимодействия различных этносов, научиться заново жить вместе. Во-вторых, время «старших» и «младших» братьев в истории России прошло. Исходя из этого, и должны выстраиваться современные взаимодействия российских этносов между собой и с государством в целом, направленные не на утверждение какой-то одной позиции или концепции, а на поиск совместной позиции, сближающей стороны [2]. При таких условиях, в ходе оптимально организуемого диалога культур можно вести речь об обретении коллективной – российской идентичности, что весьма актуально для полиэтнического, поликонфессионального, поликультурного и многоязычного Северного Кавказа, проблемы которого во многом проистекают по причине отсутствия действенного, уважительного диалога между центром и субъектами региона.

Частью северокавказского сообщества является и Республика Адыгея, для которой характерны те же самые проблемы, что и для региона в целом. Вместе с тем, Адыгея имеет свои особенности, одни из которых способствуют диалогу, а другие – тормозят его. Корни и одних, и других уходят в историческое прошлое, которое характеризовалось как позитивным, так и негативным опытом. Западные адыги одними из последних кавказских народов были включены во второй половине XIX в., после завершения Кавказской войны, в административно-территориальную систему России, которое сопровождалось выселением значительной их части за пределы исторической родины и заселения территории славянским населением (казаками и выходцами из внутренних губерний России). За короткий срок Кубанская область, по оценке российских военных и гражданских чиновников, приобрела совершенно неузнаваемый вид, отличный от других северокавказских регионов. Адыгское общество оказалось разделенным на зарубежную диаспору и оставшихся на родине, но рассредоточенных между казачьими поселениями.

Присоединение черкесской территории, заселение ее славянским населением (глухое и невнятное упоминание этой территории как исконно черкесской), исход черкесов из России во второй половине XIX в. значительно влияют на современный диалог культур. Эти тяжелые и болезненные не только для адыгов, но и для славянского населения, исторические факты – есть возможность смягчить, и, в определенной степени, нейтрализовать на путях научного и культурного диалогов, в реализации которых большая роль

принадлежит интеллигенции, действующей в сферах науки, образования, культуры и искусства.

Республика Адыгея, до 1991 г. Адыгейская автономная область в составе Краснодарского края – один из субъектов Южного федерального округа, включающий в свой состав 60 муниципальных образований: 2 городских округа, 7 муниципальных районов, 46 сельских и 5 городских поселений. Численность населения – 441,1 тыс. чел. Наиболее многочисленны этносы – русские (52%) и адыгейцы (24%), доля других (99) этносов (кроме армян и курдов) – ниже 1% [3, с. 4].

Особенности географического положения республики (граничит только с Краснодарским краем, находясь «внутри» него), а также исторически сложившиеся связи русских и адыгов во многом обуславливают социально-политическую и культурную ситуацию в Адыгее. Большую роль играли в прошлом и продолжают играть в настоящем адыго-казачьи культурные отношения. Казачья культура, имея в своем составе, в качестве основного массива славянскую культуру, но одновременно заимствовавшая и отдельные элементы адыгской культуры, выполняет в данном случае посредническую роль между ними. Этим во многом объясняется большое внимание руководства и общественности республики к проблеме казачье-адыгских и славяно-адыгских культурных связей.

Несмотря на все сложности, в Адыгее накоплен немалый исторический опыт формирования диалога культур народов, населяющих ее. Свое место в реализации этого процесса занимает научно-исследовательский коллектив Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. Созданный в первые годы советской власти (1927 г.), институт имел своей целью изучение «культуры и быта адыгейцев в прошлом и настоящем, сбор и публикацию фольклорного (адыгского – авт.) материала» [4, с. 3]. В 2005 г. в структуре института был сформирован отдел славянской культуры, переименованный в 2010 г. в отдел славяно-адыгских культурных связей, основной задачей которого стало не только продолжение исследований по истории отношений России с народами Кавказа, но и углубленное исследование истории славяно-адыгских культурных связей. Создание отдела и некоторая корректировка научных исследований в институте стали, в определенном смысле, адекватным ответом на новые вызовы современности, т. к. культура перестает быть лишь одной из форм удовлетворения духовных потребностей человека и общества и имеет все возможности стать фактором стабилизации общественно-политической и социокультурной ситуации как в России в целом, так и в ее регионах.

Адекватный ответ на современные вызовы предполагает обращение к культурно-историческому опыту взаимодействия различных российских этносов. Исследовать данный опыт, сделать его достоянием широких масс народа и, прежде всего, молодежи, на это направлены усилия исследователей, занимающихся культурно-исторической проблематикой. В числе приоритетных задач, решаемых республиканским руководством и научным сообществом

Адыгеи, находятся проблемы научного осмысления и исследования опыта межкультурного диалога и внедрение его позитивных элементов в современную повседневную жизнь, а также прогнозирование и создание оптимальных условий для его дальнейшего развития.

Отдел славяно-адыгских культурных связей разработал и в настоящее время реализует в рамках целевых долгосрочных программ: федеральной «Культура России» и республиканской «Развитие и поддержка науки в Республике Адыгея» программу «Славяно-адыгские культурные связи: история и современное состояние», рассчитанную на 2012 – 2020 гг. По мнению разработчиков, реализация данной программы в силу своей гуманитарной, социальной и культурной направленности имеет большую научную, практическую и просветительскую значимость.

Программа создана с целью исследования, сохранения и пропаганды позитивного опыта славяно-адыгских культурных связей и основана на следующих основных принципах:

- совместимость и взаимодополняемость гражданской и этнической составляющих в идентичности граждан на примере славяно-адыгского взаимодействия;
- сохранение и развитие исторического наследия славяно-адыгских культурных связей;
- возрождение и пропаганда исторического опыта культурного диалога славян и адыгов в рамках взаимодействия всех проживающих в республике этносов;
- утверждение стратегии интеграции в качестве базовой в реализации программы взаимовлияния и взаимодействия славян и адыгов;
- развитие интегрирующей роли культуры в укреплении мира и толерантности в Республике Адыгея;
- воспитание молодежи в духе гражданского патриотизма через познание и принятие культур адыгов, славян и других этносов республики;
- утверждение принципов межконфессионального взаимопонимания.

Использование данных принципов позволило сосредоточиться на решении следующих исследовательских задач:

- создание информационной базы, необходимой для практического освоения исторического опыта культурного взаимодействия славян и адыгов;
- содействие через научно-просветительскую деятельность сохранению историко-культурного наследия славян и адыгов, укреплению диалога культур и на этой основе утверждение толерантности и уважительного отношения между людьми разных национальностей, проживающих на территории Адыгеи;
- усиление (активизация) культурно-просветительской деятельности в молодежной среде;
- развитие и использование инновационных технологий в сфере историко-культурных исследований.

Изучение и использование опыта славяно-адыгских культурных связей никак не принижает значимости культур других этносов республики. Такое

изучение, напротив, создает позитивную основу для развития межэтнического диалога в целом.

Основные направления программы:

1. История славяно-адыгских связей.
2. Славяно-адыгская топонимика: исторический и языковой аспекты.
3. От слободки до столицы субъекта Российской Федерации.
4. От горской школы до крупнейшего на Северном Кавказе университета (роль системы образования в установлении и укреплении русско-адыгских культурных связей).
5. Культурный диалог в сфере музыкального, театрального и хореографического искусства.
6. Межконфессиональный диалог.
7. Современный социоэтнический портрет Республики Адыгея.

Социологические исследования.

Содержание каждого раздела (направления) конкретизировано.

Ожидаемые конечные результаты – обеспечение сохранности опыта славяно-адыгских культурных связей, укрепление единого в своем многообразии культурного пространства республики предусматривает:

- четкое ежегодное планирование всех проводимых научных и культурно-массовых мероприятий;
- выработку оптимальных форм взаимодействия органов исполнительной власти, научных учреждений, учреждений культуры, национально-культурных общественных организаций посредством межведомственной координации, консолидации средств, предусмотренных на реализацию программы;
- ведение аналитического мониторинга, научное прогнозирование состояния и перспектив развития славяно-адыгских культурных связей в разрезе республики и муниципалитетов.

Для успешной реализации намеченных планов сотрудники отдела формируют благоприятную информационную среду, которая включает следующие направления:

- содействие производству информационных продуктов (телепередач, публикаций, Интернет-проектов), пропагандирующих и закрепляющих в общественном сознании исторический опыт и современные достижения в сфере славяно-адыгских культурных связей в рамках идей и установок межэтнического и межконфессионального взаимопонимания и взаимодействия;
- освещение реализации программы, научных и культурно-массовых мероприятий, связанных с сохранением традиций культурного взаимодействия славян и адыгов, популяризацией этнокультурного многообразия Адыгеи;
- информирование общественности Адыгеи о реализации долгосрочной целевой программы «Славяно-адыгские культурные связи: история и современное состояние».

Эффективная реализация программы сочетается с определенными обязанностями представителей славянской и адыгской научной интеллигенции

за обеспечение условий для удовлетворения этнокультурных запросов жителей республики, относящих себя к различным национальностям.

Отдел постоянно осуществляет мониторинг выполнения программы. И уже сейчас можно вести речь о ее первых результатах:

- славяно-адыгская культурная проблематика прочно вошла в исследовательское поле института. Научными сотрудниками активно разрабатываются проблемы: «Северо-Западный Кавказ как уникальная этнокультурная контактная зона», «Контакты между цивилизациями в пространстве и во времени и их значение в этногенезе и этнической истории народов Северного Кавказа», «Характер и особенности российско-адыгских отношений», «Казачи и горцы Северо-Западного Кавказа: поиски взаимопонимания», «Казачи и горские народы Северного Кавказа на службе России», «Западные адыги в русских источниках», «Факты адыгского участия в формировании казачества», «Особенности казачьего культурного диалога», «Вопросы изучения славянской топонимики Северо-Западного Кавказа», «Топонимы Кубани как показатель интегративного взаимодействия казачьей и горской культур», «Роль системы образования в укреплении русско-адыгских культурных связей», «Возрождение традиций куначества», «Сходство поэтики молитвенных песнопений исламской и православной традиций», «Специфика религиозного сознания адыгов и проблема веротерпимости на Северо-Западном Кавказе» и др.;

- в республике сложился устойчивый научно-исследовательский коллектив по славяно-адыгской проблематике;

- отделом установлены связи с научно-исследовательскими институтами и вузами республик Северного Кавказа, Краснодарского края и Ростовской области, которые принимают активное участие в научных мероприятиях, проводимых в рамках Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований;

- научно-просветительское направление реализуется отделом через привлечение к исследовательской работе института и отдела преподавателей школ и вузов, учащихся, студентов аспирантов. Все более многочисленной становится молодежная аудитория;

- ежегодно проводятся Научные чтения и научно-практические конференции: «Славяно-адыгские культурные связи: история и современное состояние», «Значение славянской письменности и культуры в укреплении российской государственности и межкультурного диалога», «Казачи и горцы Северного Кавказа в пространстве исторической памяти», «Культурно-просветительское движение на Северном Кавказе (XIX – первая треть XX вв.)». По итогам этих форумов за время реализации программы выпущены шесть сборников материалов [5], которые пользуются вниманием научной общественности, учителей и преподавателей учебных заведений республики и региона;

– работа отдела славяно-адыгских культурных связей получает положительную оценку рецензентов из Краснодара, Ростова-на-Дону, Москвы, Ставрополя, Астрахани [6];

– материалы о проводимых научных форумах освещаются в республиканских, региональных и российских СМИ [7].

Собранный, научно осмысленный и обобщенный не только исторический, но и современный опыт культурного взаимодействия народов служит одной из основ адаптации культурной политики в республике к изменяющимся социально-политическим условиям. Результаты исследований используются при формировании прогнозов развития культуры в республике, создавая оптимальные предпосылки для выработки у населения уважительного отношения к многогранной культуре региона, что и является конечной целью установления мира и согласия между людьми разных национальностей и вероисповеданий.

По мнению Министерства культуры и руководства Республики Адыгея, возрождение культурно-исторического опыта взаимодействия различных этносов, населяющих нашу республику, должно стать магистральным направлением деятельности по формированию единого в своем многообразии культурного пространства Адыгеи.

Примеров плодотворного культурного сотрудничества различных этносов в республике достаточно. Особенно зримое взаимодействие имеет место быть в сфере образования, науки и искусства.

Достаточно отметить, что первые шаги в создании адыгейского языкознания как отрасли науки, принадлежали адыгу Дауту Ашхамафу и профессору Николаю Яковлеву. Авторами одного из первых научных трудов по истории и этнографии адыгов «Адыгея: историко-этнологический и культурно-экономический очерк», который явился началом научно-исторического адыговедения, стали адыгский просветитель Сафербий Сиюхов и кубанский краевед, профессор Борис Городецкий.

Наряду с адыгскими этнографами и фольклористами собирали, обрабатывали и сохранили для потомков богатейший фольклорно-музыкальный материал адыгейского народа В. Мессман, М. Гнесин, А. Митрофанов, Г. Концевич, Н. Миронов, А. Гребнев и др.

В первые годы советской власти совместными усилиями адыгских и русских ученых предпринимались небезуспешные попытки подготовки профессиональных научных и педагогических кадров для молодой области. В Кубанском педагогическом институте, по инициативе руководства вуза была открыта кафедра черкесоведения, «занять которую получил предложение зав. АдыгОБОНО Сафербий Сиюхов» [4, с. 71].

В этот же период отмечается пристальное внимание российской академической науки к истории адыгов [8]. Наряду с адыгами С. Сиюховым, И. Наврузовым, Д. Ашхамафом, К. Мишуриевым, Ш. Кубовым, Ч. Пшунеловым, А. Чамоковым, И. Цеем, в Обществе изучения Адыгейской (Черкесской) области, предшественнике научно-исследовательского института,

активно трудились представители научной общественности Москвы, Ленинграда, Краснодара – профессора А. Н. Генко, Б.М. Городецкий, А. Н. Грен, Н. Ф. Яковлев, А. А. Миллер [4, с. 73]. Помогали становлению исторической науки в Адыгее такие авторитетные ученые страны как Л. И. Лавров и Е. С. Зевакин. Последний как представитель Академии Наук СССР был зачислен в штат научно-исследовательского института, возглавив его сектор истории [9, л. 17].

Современные ученые продолжают исследования проблемы культурного взаимодействия народов Республики Адыгея. Адыги пишут о значении и ценности русского языка в полиэтничном регионе (А. Ю. Шадже «Ценность русского языка», Р. Г. Мамий «Язык и культура (историческая роль русского языка в становлении культуры адыгов в XIX – XX вв.))» [10, с.172]. Проблемам межэтнического согласия посвящен ряд статей социологов. Культурологи Адыгеи много внимания в своих исследованиях уделяют проблеме этнических взаимодействий.

В 2009 г. вышел в свет сборник статей «Диалог культур: славяне в социокультурном пространстве Северо-Западного Кавказа», который получил довольно высокую оценку. Рецензенты отметили «серьезность и многоаспектность» разработки проблем диалога культур. Исследование выполнено авторским коллективом, включающим как славян, так и адыгов. Эта научная дружба сама по себе является показательным фактом, свидетельствующим о продуктивности взаимодействия языков и культур в общем региональном поле» [11, с. 174].

Многогранность и сложность межэтнических культурных контактов в современном мире порождает широкий диапазон проблем в науке, касающихся как глобальных общемировых процессов, так и локальных явлений в тех или иных этнокультурах. Учеными Адыгеи исследуется достаточно широкий круг проблем культурных контактов. Приведем некоторые из исследований: «Славяне и адыги: диалог культур» (С. З. Тугуз), «Диалог культур на пересечении русской и адыгской музыки XX – XXI веков (на материале композиторского творчества Адыгеи)» (Ч. М. Анзароков, М. Ч. Анзарокова), «Языковое взаимодействие в полиэтничном пространстве Республики Адыгея (социологический анализ) (А.-Л. Ю. Муляр), «Общие черты в символике русской и адыгейской культур» (Н. Н. Мозговая-Гирянская), «Языковые, исторические и культурные аспекты взаимодействия народов» (О. Д. Макагоренко), «Культура и взаимодействие народов» (Е. А. Шовгенова), «Язык музыки – язык диалога культур» (Г. Б. Луганская), «Проблемы северокавказского просветительства в контексте общероссийского просветительского движения» (Н. Н. Денисова), «Роль российских исследователей в сборе и изучении адатов кавказских горцев» (Т. Б. Берсиров), «Проблемы сближения народов Северного Кавказа с Россией во взглядах и деятельности Н. И. Воронова» (Ю. В. Бунькова), «Особенности влияния российских ученых на просветительскую и педагогическую деятельность в северокавказском регионе» (М. Л. Карданов), «М. Ф. Гнесин – собиратель и

пропагандист адыгейского музыкального фольклора» (Г. Б. Луганская), «О влиянии российской передовой мысли на развитие северокавказской общественной мысли во второй половине XIX в.» (Н. Г. Соловьева), «Научно-просветительская и педагогическая деятельность российской интеллигенции в северокавказском регионе (вторая половина XIX в.» (И. Ю. Тлевцежева), «Забытый эпизод сотрудничества казаков и горцев» (О. В. Матвеев), «О влиянии адыгов на формирование раннего казачества» (Ж. В. Кагазежев), «Кубанский казачий хор и Адыгея: культурный диалог» (Г. Б. Луганская), «Северокавказские горцы и казаки: взаимопроникновение культур» (О. Д. Макагоренко), «Семейные обычаи и традиции у казаков и адыгов и их влияние на воспитание подрастающего поколения» (Н. Н. Мозговая-Гирянская) и др.

В период становления высшего образования в Адыгее также отмечалась активная совместная работа адыгских и русских организаторов народного образования. Первыми директорами Адыгейского государственного педагогического института были ученые из Воронежа, Ленинграда. Его становлению помогали ученые, аспиранты и выпускники вузов страны, приехавшие в Майкоп по направлению Министерства просвещения. Выпускники столичных вузов привнесли в пединститут дух высокого профессионализма и научного поиска. В период становления в институте работали известные ученые Г. Ф. Турчанинов, крупнейший специалист по кавказским языкам, Т. А. Ладыжеская, академик, доктор педагогических наук и др. О них и по сей день вспоминают их бывшие студенты и коллеги, отмечая их «человечность и хорошие деловые качества», они олицетворяли собой «образ русского интеллигента-педагога, бескорыстно служащего просвещению» [12, с. 141].

Очень скоро профессорско-преподавательский состав пополнился преподавателями-адыгами. В их числе Х. Б. Дауров, З. И. Керашева, Ю. К. Намитоков, М. Ш. Кунижев, М. Х. Шаов, К. И. Бузаров, Л. Х. Цыпленкова, Л. Г. Мамий и мн. др.

Прочные славяно-адыгские культурные связи сложились и в сфере искусства. Межэтнические контакты на территории бывшего СССР и современной России, в том числе и в Адыгее, представляют собой уникальный материал для исследований. Совместное проживание представителей разных этносов на одной территории во многом определило устойчивые и активные культурные интегративные процессы [13, с. 115], в том числе в музыкальной культуре. Яркий тому пример – содружество Кубанского казачьего хора и творческих коллективов Адыгеи, истоки которого относятся к 1937 г., когда хор под руководством Г. М. Концевича и Я. М. Тараненко впервые побывал в Майкопе и навсегда завоевал сердца жителей Адыгеи. Новый импульс этому содружеству придал нынешний руководитель хора В.Г. Захарченко, большой патриот не только Кубани и России, но и Адыгеи. В практику работы творческих коллективов вошли культурные обмены, совместные гастроли. Совместная деятельность свидетельствовала о том, что народное искусство –

одно из действенных средств, служащих взаимопониманию и взаимоуважению народов, как отмечал сам В. Г. Захарченко, «концерт национального (адыгейского) ансамбля танца и казачьего хора – это действие, а не абстрактный призыв к абстрактной дружбе» [14, с. 139]. И далее на встрече с творческой интеллигенцией В.Г. Захарченко вновь подчеркнул роль и значение искусства в сохранении дружбы между народами, отметив: «Ваш «Исламей» русские также любят в Краснодаре, как и адыгейцы – наш хор в Майкопе» [14, с. 140]. Глубоко уважая адыгский народ и его культуру, знаменитый руководитель хора подчеркивал: «Адыгская народная музыка уже отчасти является и нашей музыкой. Взаимовлияния в культуре сильнейшие. На современной кубанской свадьбе обязательно танцуют под адыгейскую мелодию «Кабардинки» и «Танец Шамиля». Они органично вошли в кубанскую культуру равно как русская и украинская музыка» [14, с. 142]. Примеры содружества творческих коллективов Краснодарского края и Республики Адыгея можно продолжать. Подтверждением тому и примером диалога культур стала, например, постановка танца «Кавказская сюита» заслуженным деятелем искусств России и РА Н. Кубаря.

Вместе с тем, как неоднократно отмечал В. Г. Захарченко, «при всех взаимовлияниях каждая культура оригинальна и остается сама собой...» [14, с. 142].

Руководство республики высоко оценивает вклад кубанских деятелей искусства в развитие культурного диалога. Традицией стало присвоение почетных званий Адыгеи кубанцам и наоборот. Руководство Республики Адыгея неоднократно подчеркивало, что с момента первого приезда в Майкоп «Кубанский казачий хор был нашим общим детищем, подпитываясь и талантами нашей земли», ведь трудно представить этот коллектив «без искрометных и виртуозных» адыгских танцев [14, с. 144].

Частые гости в Краснодаре творческие коллективы Адыгеи: Государственный ансамбль танца РА «Нальмэс», Государственный ансамбль песни и танца «Исламей», муниципальный детский песенно-танцевальный ансамбль «Казачата». Многие годы Кубанский казачий хор и «Исламей» совместно выступают на сценических площадках края, республики, других субъектов Южного федерального округа, Москвы, ближнего и дальнего зарубежья. Помимо всего прочего руководителей творческих коллективов связывает крепкая личная дружба. В. Г. Захарченко и А. К. Нехай являются кунаками.

Подтверждая необходимость дальнейшего расширения культурных связей Кубани и Адыгеи, в 2008 г. был подписан Договор о сотрудничестве Кубанского казачьего хора с национальным театром РА, Русским государственным драматическим театром им. А.С. Пушкина и Камерным музыкальным театром им. А. А. Ханаху. Представители творческой интеллигенции края и республики выразили желание «расширить то взаимное сотрудничество, которое в традициях ... творческих концертных коллективов». Обе стороны выразили стремление «к реальному наполнению тесного культурного сотрудничества двух близких российских регионов».

Большую роль в поддержании активных творческих связей играет Региональный фестиваль казачьей культуры, который с 2014 г. приобрел новый статус – Южно-Европейского фестиваля, и который ежегодно проводится в пос. Тульском Майкопского района РА. Как отмечалось в одном из краснодарских изданий, «исторический факт проведения фестиваля на древней адыгской земле свидетельствует об общих корнях наших культур, которые хотят жить в мире и дружбе» [15].

Исторический опыт культурного взаимодействия различных этносов России весьма богат и разнообразен и в нем гораздо больше позитивного, жизненного, чем негативного. Главное, не предать его забвению и не превратить в объект только теоретического исследования. Этот опыт стоит того, чтобы его не только изучал узкий круг специалистов, его надо, возрождая, внедрять в практику нашей жизни, наполняя и обогащая, естественно, современным содержанием. В единстве национальных культур – целостность Российского государства.

Литература

1. Проект «Школа диалога культур» [Электронный вариант] – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/sdcp.htm>.
2. *Габитов, Т.Х.* Национальная идея в контексте диалога культур / Т.Х. Габитов // Вопросы философии [Электронный вариант] – Режим доступа: <http://vphil.ru/index.php>.
3. *Ханаху, Р.А., Цветков, О.М.* Республика Адыгея: социально-демографический портрет. / Р.А. Ханаху, О.М. Цветков – Майкоп, 2010.
4. АРИГИ – 70 лет. – Майкоп, 1999.
5. Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 7. – Майкоп, 2011.; Культурно-просветительское движение на Северном Кавказе (XIX – первая треть XX вв.). – Майкоп, 2011.; Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 8. – Майкоп, 2012.; Славяно-адыгские культурные связи: история и современность. – Майкоп, 2012.; Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 9. – Майкоп, 2013.; Значение славянской письменности и культуры в укреплении российской государственности и межкультурного диалога. – Майкоп, 2013.
6. *Куква, Е.С.* По итогам третьих научных чтений... / Е.С. Куква // Вестник науки. Вып. 1(25). – Майкоп, 2011. – С. 319–320; *Степанова, Т.М.* Новое прочтение проблем северокавказского просветительства / Т.М. Степанова // Социально-гуманитарные науки. Приложение. Вестник МГОУ. Вып. № 32. – 2011. – С. 25–30; *Степанова, Т.М., Аутлева, Ф.А.* Исследование проблем северокавказского просветительства: современный подход / Т.М. Степанова, Ф.А. Аутлева // Современная литература Северного Кавказа: герои, сюжеты, поэтика: сб. материалов региональной научно-практической конференции / ред.-сост. проф. А.А. Фокин. – Ставрополь, 2011. – С. 62–67; *Степанова, Т.М.* Северокавказское просветительство: новый взгляд. Культурно-просветительское движение на Северном Кавказе (XIX – первая половина XX вв.): материалы Четвертых научных чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры. / Т.М. Степанова // Культурная жизнь Юга России. – 2012. – № 3 (46). – С. 112–113; *Жиганова, С.Я.* Языки и культуры Адыгеи / С.Я. Жиганова // Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар, 2012. – Вып. 6. – С. 172–177; *Факторович, А.Л.* Язык и культура: единство и взаимосвязь: материалы Третьих научных чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры. – Майкоп, 2010; *Славяно-адыгские культурные связи: история и современность: материалы Пярых научных чтений, посвященных Дню*

- славянской письменности и культуры и Году российской истории. – Майкоп, 2012 / А.Л. Факторович // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 7. – Краснодар, 2013. – С. 327–331.
7. *Филонова, Т.* Славяно-адыгские культурные связи / Т. Филонова // Советская Адыгея. – 2012. – № 99 (20936). – С. 5; Сихъу, Г. Наукэм екIуре гьогу / Г. Сихъу // Адыгэ макъ. – 2012. – 8.02. – С. 4; Осаула, Н. Диалог культур. Адыгея подает пример межнационального согласия / Н. Осаула // Электронное периодическое издание «МК. ru // http://kuban.mk.ru/print_articles/892379_dialog-kultur.html; Сохранять и развивать // Советская Адыгея. – 2013. – 23 мая; Мамырыкъо, Н. Тарихъ шIэжъыр ыкли джырэ культурэ Юфыгьохэр // Адыгэ макъ. – 2013. – С. № 96 (20360). – 4 илъэс. – С. 2.
  8. К 200-летию Всесоюзной Академии наук. Приветственный адрес от ОИА (Ч) АО. Национальный архив Республики Адыгея (далее – ГУ НАРА). – Ф. Р–21. Оп. 1. Д. 1. Л. 140.
  9. ГУ НАРА. Ф. Р. –1127. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
  10. Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар, 2011. – С. 172.
  11. Мир славян Северного Кавказа. Вып 6. – Краснодар, 2011. – С. 174.
  12. На пути к классическому университетскому образованию. – Майкоп, 2005. – С. 141.
  13. *Анзароков, Ч.М., Анзарокова, М.Ч.* Диалог культур на пересечении русской и адыгской музыки XX – XXI вв. / Ч.М. Анзароков, М.Ч. Анзарокова // Мир славянской культуры: история и современность: материалы научных чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры. – Краснодар, 2009. – С. 115.
  14. *Луганская, Г.Б.* Кубанский казачий хор и Адыгея: культурный диалог / Г.Б. Луганская // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 7. – Майкоп, 2011. – С. 139.
  15. XX фестиваль казачьей культуры // Краснодарский край, 2011. – 2 июня.

Назарова Ирина Михайловна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела этнографии
Ставропольского государственного музея-заповедника
имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе,
г. Ставрополь

**ЭКСПОЗИЦИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
«КУЛЬТУРА И БЫТ НАРОДОВ СТАВРОПОЛЬЯ»
КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ ДИАЛОГА НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР**

Пореформенный период (вторая половина XIX вв.) стал важным этапом в культурной жизни России. Предоставление крестьянам личной свободы стимулировало их активное включение в развитие экономики страны и оказало опосредованное влияние на развитие культуры, ее демократизацию. Процесс демократизации культуры нашел свое яркое выражение в развитии культурно-просветительской деятельности. Именно в это время по всей стране стали возникать провинциальные краеведческие музеи, которые смело можно назвать настоящими очагами культуры.

Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе является правопреемником именно такого провинциального музея, который возник в губернском г. Ставрополе в 1905 г.

Первоначально это учреждение именовалось «Музей наглядных пособий». Основателем этого музея стал краевед-энтузиаст Георгий Константинович Пправе. По своему составу коллекции, которые формировали фонды этого музея, были весьма интересны и разнообразны. Это были чучела экзотических животных разных стран и континентов, палеонтологические находки, коллекции бабочек, минералов, приборы для демонстрации физических и химических опытов, модели орудий труда и большое количество печатных материалов по различным отраслям знаний.

Поначалу это была частная коллекция, но, понимая общественную значимость собранных материалов, Г. К. Пправе в 1905 г. подарил ее городу Ставрополю. Предметы подаренной коллекции были размещены в зале на втором этаже здания Торговых рядов. И с этого времени музей существует как учреждение культуры.

На пользу народного просвещения и культуры трудились многие представители местной прогрессивной интеллигенции. В их число входил известный в нашем крае археолог и этнограф Григорий Николаевич Прозрителев. Он собрал замечательную археологическую коллекцию, а также большое количество предметов культуры и быта народов нашего региона, которые легли в основу фондов Музея Северного Кавказа.

В 1927 г. Музей наглядных пособий и Музей Северного Кавказа объединились, дав начало Ставропольскому краеведческому музею. Так как коллекции Прозрителева и Пправе составляют и ныне основу природоведческой

и историко-этнографической части фондов музея-заповедника, имена этих людей увековечены в названии нашего музея [1].

В настоящее время музей продолжает выполнять свои основные функции: собирательскую, охранную и культурно-образовательную. Кроме организации этнографических экспедиций, в ходе которых научные сотрудники музея собирают предметы материальной культуры и устные воспоминания участников событий, на основе собранных материалов формируются фонды музея, служащие основой формирования экспозиционных комплексов и выставок.

Накопленные в фондах музея-заповедника предметы материальной культуры народов региона стали основой новой экспозиции зала этнографии «Культура и быт народов Ставрополья», которая была спроектирована и построена в 1994–1995 гг. Экспозиция была построена по принципу знакомства с основными народами нашего региона: кочевниками (ногайцами, ставропольскими туркменами и калмыками), горцами (карачаевцами, балкарцами, абазинами, черкесами, кабардинцами), славянами-переселенцами (русскими, украинцами, белорусами) через различные аспекты их материальной культуры. В зале этнографии были смонтированы интерьеры юрты кочевников, интерьеры горского и казачьего дома с полной обстановкой.

Интерьеры помещения, как правило, заполняют разнообразные вещи, которые являются знаковыми для определенной культурной среды, поэтому знакомство с этими интерьерными экспозициями дает возможность сопоставлять и сравнивать на уровне традиционного жилища как складываются повседневные бытовые процессы жизнедеятельности у разных народов.

В юрте и горском доме мы видим разные типы очага и домашней утвари, но вместе с тем встречаются и однотипные предметы, подтверждающие факт торгово-экономических и культурных контактов, влияющих на процесс аккультурации. В ходе экскурсии по залу этнографии есть возможность познакомиться с такими предметами повседневного обихода как одежда и обувь, головные уборы и украшения. Знакомство с этим аспектом традиционной культуры также дает прекрасную возможность наглядно представить себе типы и виды одежды различных народов нашего региона.

Объединяющим предметом мужского горского и кочевого костюма является бурка. Бурка – плащ-накидка из войлока с подкроенными, сшитыми плечами и вырезом для шеи. Бурка защищала всадника от дождя, снега, холода, ветра. Во время привала она служила одновременно подстилкой и одеялом, а под голову в качестве подушки клали папаху или кожаную подушку с седла. Бурка, наброшенная на воткнутые в землю колья, играла роль ветрового заслона или палатки. Надевая бурку на плечи, всадник маскировал свое оружие, а также спасал его от сырости, что имело большое значение в эпоху распространения кремниевых ружей и пистолетов. Именно эти достоинства способствовали не только многовековому бытованию, (впервые бурка упоминается в 1504 г.), но и распространению ее за пределы региона, в первую

очередь в Грузию. Также бурка была очень популярна среди казаков Северного Кавказа и Дона.

Покрой бурки менялся от короткой колоколообразной (XVIII – начало XIX в.) до длинной (конец XIX – начало XX вв.). Бурки различались по качеству (плотность, водонепроницаемость, легкость) и по длине ворса, благодаря которому дождь или растаявший снег стекал с них. При валянии бурки с ворсом использовали длинную шерсть в процессе валяния. После валяния, чтобы поднять ворс, его расчесывали деревянной щеткой с железными зубьями.

Для удержания бурки на плечах спереди у ворота пришивали накладные кожаные петли фигурной формы, в которые продевали ремешок для завязывания. Иногда лицевую сторону петли сплошь покрывали золотым или серебряным шитьем. Такие петли, заготовленные заранее, служили подарком невесты молодым родственникам мужа.

Благодаря экспозиции «Культура и быт народов Ставрополя» зал этнографии сразу же стал своеобразной площадкой для диалога национальных культур. На базе экспозиции проходят разнообразные мероприятия: лекции, интерактивные занятия, заседания секций научных конференций, и т. п. Психологи утверждают, что человеку свойственно положительное восприятие того, что знакомо. При проведении экскурсий по залу этнографии мы убеждаемся в правильности этого утверждения. Как правило, состав экскурсионных групп полиэтничен, так как в школах и вузах г. Ставрополя обучаются дети разных народов не только нашего региона, но и страны в целом. Поэтому знакомиться с культурой своего народа и народов-соседей всегда не только интересно, но и полезно, так как возникает обмен мнениями по тому или иному вопросу, участники мероприятий зачастую вспоминают домашние предания и озвучивают их, в дополнение к рассказу экскурсовода.

В Северо-Кавказском федеральном университете (бывший Ставропольский государственный университет) с 1995 г. студенты исторического факультета изучают дисциплину «Этнография народов Северного Кавказа» [2]. На базе отдела этнографии Ставропольского государственного музея-заповедника для них проводят практические занятия, на которых студенты наглядно знакомятся с образцами традиционного костюма горских и кочевых народов региона, с предметами их быта и материальной культуры.

Такого типа занятия вызывают большой интерес у студентов, потому что они видят реальное воплощение того, что они изучали как теорию. Например, при изучении темы «Жилище народов региона» в зале этнографии можно увидеть образцы подлинной мебели, посуды и предметов домашней обстановки горцев, кочевников и славянских народов региона. Исторические фотографии, которые дополняют видеоряд, помогают наглядно представить себе эволюцию традиционного северокавказского жилища и его характерные особенности.

Интерьерная экспозиция – горский дом – дает представление не только об обстановке собственно дореволюционного жилища горцев региона, но дает

массу интересной информации о ремесленных занятиях горцев, об этикете внутреннего пространства дома и многом другом. Большой интерес, как правило, вызывает мебель и посуда, размещенные в интерьере. Несмотря на свою простоту, они функциональны и достаточно изящны. Привлекают внимание резные деревянные ложки и вилки, керамическая, металлическая и кожаная посуда. Русские самовары свидетельствуют о развитии торговых отношений со славянским населением северокавказского региона и России.

Войлочные ковры, декорированные аппликациями и тесьмой, драгоценные образцы парадной посуды и парадного вооружения горцев дают представление о мастерстве и таланте горских рукодельниц и мастеров-оружейников и ювелиров. В традиционном жилище кочевников – юрте мы также видим войлочные ковры, и, хотя они декорированы несколько иначе, сам факт их производства свидетельствует об общих чертах ремесленных и промысловых занятий кочевников и горцев Северного Кавказа и Предкавказья. Даже основной узор войлочных ковров – бараньи рога в различных комбинациях – дает нам представление об одном из основных занятий населения региона – овцеводстве.

Представление о духовной культуре горских и кочевых народов Северного Кавказа дают сохранившиеся с начала XX в. разнообразные музыкальные инструменты: барабаны, бубны, трещотки и горская скрипка.

В составе групп студентов Северо-Кавказского федерального университета обучаются представители разных народов нашей страны и ближнего зарубежья. Посещая зал этнографии музея-заповедника, они могут увидеть предметы материальной культуры и познакомиться с бытовыми традициями разнообразных этнических групп северокавказского региона. Сравнивая и сопоставляя свою культуру и культуру соседей, можно увидеть, что в них наблюдается много общих черт. Так заложено в психотипе человека, что знакомое кажется более близким и понятным, поэтому в процессе изучения Этнологии народов Северного Кавказа и проведения занятий в музее музейные педагоги и экскурсоводы стараются познакомить студентов и всех остальных посетителей зала с материальной и духовной культурой, традициями и обычаями народов региона. Экспозиция Ставропольского государственного музея-заповедника «Культура и быт народов Ставрополья» является замечательной площадкой для налаживания диалога между представителями различных национальных культур.

Таким образом, подводя итоги сказанного, можно смело сказать, что экспозиция музея-заповедника «Культура и быт народов Ставрополья» является замечательной площадкой для диалога национальных культур. На базе нашего отдела регулярно проводятся встречи и различные мероприятия студентов и школьников в рамках ежегодного фестиваля «Калейдоскоп культур». Следует также отметить огромную роль музея и отдела этнографии в поддержании взаимной толерантности и налаживании межэтнической коммуникации народов северокавказского региона и Ставрополья.

Литература

1. Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Роман о музее / Автор-составитель И. Селунская. – Пятигорск: Вестник Кавказа, 2005.
2. Этнология народов Северного Кавказа: учебное пособие / Автор-составитель И.М. Назарова. 2-е дополненное издание. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014.

Черноус Виктор Владимирович,
кандидат политических наук, доцент,
профессор кафедры прикладной и теоретической
регионалистики Южного федерального университета;

Крамарова Елена Николаевна,
аспирант Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАВКАЗОВЕДОВ, ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА – УСЛОВИЕ РЕИНТЕГРАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Историческое сознание, историческая память имеют важное значение для самоидентификации любого народа, этносоциальной группы, но особенно велика их роль у народов Кавказа [1], переживающих события прошлого как современность, и поэтому память о великих или трагических страницах истории выступает пусковым и поддерживающим механизмом этномобилизационных процессов. Последствия манипулирования историческим сознанием и административного навязывания сконструированной этнонациональной идентичности на Украине стали фактором саморазрушения многосоставного сообщества, народов [2], что актуализирует тему доклада.

Кавказоведение с момента своего зарождения определялось не только академическим интересом к исследованию малоизученного края Российской империи, но и находилось в фокусе геополитической борьбы Российской империи с Англией, Францией и великими восточными империями Османской и Персидской за гегемонию на Кавказе, который к началу XIX в. стал международно признанной частью России. Но и в российском обществе XIX – нач. XX вв. отношение к Кавказу, особенно к Кавказской войне и кавказской политике в целом, не было единым [3], что сказывалось на различиях в подходах официального, консервативного кавказоведения и революционно-демократического, в основном представленного публицистикой.

В XX в. кавказоведение институционально было расколото на идеологической основе на советские (марксистские) и западные (куда с некоторыми оговорками можно включить и большинство турецких авторов) исследования, стоящие на непримиримых позициях и теоретических концептах.

На всех этих этапах советского периода кавказоведение было важным инструментом формирования национального самосознания народов Кавказа и всего Советского Союза, фактором советской идентичности, «советскости», основанной в том числе и на дружбе народов. В позднем советском периоде существенную роль в развитии кавказоведения, его модернизации и трансформации от краеведческого уровня к региональному уровню (северокавказскому) научных исследований сыграл Северо-Кавказский

научный центр высшей школы (создан в 1969 г.), возглавляемый членом корреспондентом АН СССР Юрием Андреевичем Ждановым (1919–2006).

Крушение Советского Союза привело к кризису и распаду идеологизированной советской надэтнонациональной идентичности. В условиях суверенизации, охватившей национальные республики Северного Кавказа, ей на смену приходит этноцентризм, идеология этноэтатизма и гипертрофированная реактуализация этнических идентичностей [4, 5].

Данный процесс сказался и на состоянии постсоветского кавказоведения, которое распалось на этнонациональные, этноцентричные направления. Советскую (коммунистическую) идеологизированность сменила этноэтатистская идеология.

Бескомпромиссная полемика между представителями различных этнонациональных научных школ становится отражением реальных этнотерриториальных и этностатусных конфликтов между Азербайджаном и Арменией, Грузией и Абхазией, Южной Осетией, Чечней и российским федеральным центром, Осетией и Ингушетией, условно «русскими» и «национальными» учеными, между гуманитариями республик на Северном Кавказе и внутри них, между отдельными этническими интеллектуалами. Более того, ситуация в кавказоведении становится одним из факторов этнонациональных и этноконфессиональных конфликтов, консервирования и постоянного воспроизводства конфликтности на Кавказе. Наряду с этой тенденцией в кавказоведении продолжало сохраняться и доминировало в целом академическое, неполитизированное направление, стремление к сохранению или восстановлению диалога между научными школами и отдельными учеными на научных принципах. Большие усилия в этом направлении предпринимали Ю. А. Жданов, А. П. Пронштейн, Г. Г. Гамзатов, А. И. Османов, В. Х. Акаев, Э. А. Шеуджен и др. в 90-е гг. XX в., которые многое сделали для того, чтобы «свеча не погасла».

Кавказ является контактной зоной цивилизаций и культур: мусульманского и христианского миров, русской (российской) цивилизации и кавказской горской, мозаикой этнических культур. Все это создает объективную основу для конкуренции между ними. Формирование российской гражданской идентичности идет именно в данном историко-культурном контексте: ставит задачу согласования гражданской, религиозной и этнической идентичностей, не позволяя элиминировать последние [6].

Социально-гуманитарные науки, ученые Северного Кавказа обладают значительным научным потенциалом во всех субъектах Российской Федерации, но последние 20 лет они «разбежались по национальным квартирам», и научные коммуникации между ними, распавшимися на полузакрытые для оппонентов группы, только восстанавливаются, налаживается диалог между представителями различных научных школ. Очевидно, что тенденция эта усиливается, хотя раскол (именно раскол, речь не идет о естественном плюрализме концепций и взглядов) в научном сообществе Кавказа сохраняется. Более того, этноцентричная мифология обосновалась в вузовской и школьной

учебной литературе, что воспроизводит в молодежной среде негативные стереотипы о других этнических группах и проблемных вопросах российской истории. Без преодоления этих негативных стереотипов формирование российской гражданской идентичности на Северном Кавказе, ослабление напряженности на всем Кавказе не могут быть достаточно успешными [7].

В отличие от 70–80-х гг. XX в. российское государство не имеет административных рычагов влияния на развитие социально-гуманитарных наук и не ставит таких целей, а само научное сообщество не обладает необходимыми материальными ресурсами для решения задач научного обеспечения реинтеграции регионов Северного Кавказа [8]. Административно Юг России разделен на два федеральных округа: Северо-Кавказский и Южный, что создает барьеры для грантовой поддержки научных проектов, направленных на укрепление макрорегиональной южнороссийской идентичности как инварианта общероссийской. Местные гранты выделяются почти исключительно на поддержку «своих» ученых, исследование местных тем, формирование идентичности и брендов отдельных субъектов Российской Федерации. В результате даже формирование северокавказской идентичности как двойной (одновременно кавказской и российской) часто проявляется в конфликтной форме, а не взаимодополняющей, как исторически сложилось.

В связи с этим возрастает, по мере обретения более зрелых и цивилизационных форм, социальная ответственность бизнеса по достижению стабильности и устойчивому развитию Кавказа и Юга России, что не может быть реализовано без поддержания социокультурной целостности региона [9].

Пока мелкий и средний бизнес на Северном Кавказе во многом этнически замкнут и ориентирован на поддержку этноцентричных наукообразных конструктов, удовлетворение собственных «локально-патриотических» романтизированных увлечений. Значительная часть паранаучных сочинений по культуре или истории того или иного народа опубликованы при поддержке (а иногда и авторстве/соавторстве) этноориентированных предпринимателей.

Тем не менее, бизнес по мере развития преодолевает этическую замкнутость и все более активно поддерживает общенациональные (российские) и макрорегиональные научные проекты и культурные мероприятия, пытается влиять на развитие образования, включая его гуманитарную и воспитательную составляющую.

Институционализация благотворительности и меценатства как форм социальной ответственности бизнеса на Юге России находится на начальных стадиях, но является несомненным фактором социальной жизни.

Бизнес заинтересован в стабильности, межнациональном согласии на Кавказе, и его цивилизованная часть готова участвовать в направленных на это социальных проектах, включая социокультурные, кавказоведческие. Но эксперты обращают внимание на то, что часто властные структуры стремятся таким образом переложить на бизнес часть своих проблем, оказывают прямое давление, включая коррупционные схемы.

На Кавказе сконцентрирован значительный интеллектуальный потенциал, который не соответствует распространенным стереотипам об архаичности и неспособности к модернизации Кавказа. Преодоление политизированности кавказоведения, повышение его научной эффективности и социальной роли в формировании российской гражданской идентичности при постоянном внимании к проблемам всех народов и этнических групп будет развиваться по мере укрепления доверия между учеными, государством, бизнесом и гражданским обществом.

Литература

1. *Шеуджен Э.А.* Адыги (черкессы) в пространстве исторической памяти. Москва – Майкоп: Изд-во АГУ. 2010. – 381 с.
2. Украинский кризис: предварительные заметки. Отв. ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение ЦСРИ и П ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 83. М. – Ростов н/Д: Изд-во «Социально-гуманитарные знания». 2014. – 200 с.
3. *Патракова В.Ф.* Народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа и российское общество // Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60-х гг. XIX в. Колл. монография. – Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2006. – 520 с. С. 439–465.
4. *Тхагапсоев Х.Г.* Этноэтатизм как инобытие российского федерализма // Научная мысль Кавказа. 2002. № 2.
5. *Землякова С.Ю.* Институционализация идеологии этноэтатизма на Северном Кавказе в постсоветский период. Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 2011. – 36 с.
6. *Каишаф Ш.Р.* Нациостроительство в современной России в рамках дискурса о гражданской, этнической и религиозной идентичности в мусульманских регионах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 6. С. 105–116.
7. *Крамаров Н.И.* Изучение истории Северного Кавказа как фактор формирования региональной идентичности // Материалы международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., Ростов-на-Дону). Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д: МАРТ. 2013. – 244 с. С. 186–193.
8. *Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В.* Реинтеграция постсоветской России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 9–17.
9. Крамарова Е.Н. Социальная ответственность бизнеса в сфере культуры (на примере Юга России) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 5. С. 40–45.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Эльбиздукаева Тамара Умаровна,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель генерального директора по научной работе
Национального музея Чеченской республики,
г. Грозный

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Культура чеченского народа исторически сформировалась в результате диалога кавказской горской, исламской и русской (российской) цивилизаций и культур, модернизационных процессов XX в. Поэтому она отличается сложной многослойностью, полисубъектностью, синкретизмом.

Проблема культуры – одна из глобальных проблем современности. Ее социальная, политическая злободневность обусловлена тем, что центральное место в ней занимает человек.

Любой народ, независимо от того, маленький он или большой, имеет свою сложившуюся в процессе длительного исторического развития материальную и духовную культуру, в которой общечеловеческие ценности, нормы и правила поведения приобретали национальное своеобразие и специфику.

История и культура чеченского народа является составной частью кавказской и общероссийской цивилизации. Чеченский этнос, тесно взаимодействуя с культурами народов России, сохранил свои этнокультурные особенности: язык, обряды, обычаи, традиции, социальные и духовно-нравственные идеалы.

Гостеприимство, уважение старших, честность, доброжелательность, преданность исторической родине, уважение других народов – нравственно-ментальные особенности чеченского этноса. Чеченцы больше всего ценят такие понятия как личная свобода, равноправие и честь.

Согласно нормам «нохчалла» – своеобразного кодекса чести чеченцев – требовалось проявлять уважение к любому человеку, причем уважение тем большее, чем более далек был этот человек по родству, вере или происхождению.

В народе говорят: обида, (которую ты нанес мусульманину, может быть прощена, ибо возможна встреча в Судный день. Не прощается обида, причиненная человеку иной веры, ибо такой встречи не будет никогда.

Вайнахское общество было всегда открыто для инородцев. Здесь могли найти приют и беглый солдат царской армии, и невыкупленные пленные, и муллы-миссионеры, и пастухи, и ремесленники, и прочий люд.

В начале 1930-х гг. тысячи голодных русских и украинцев нашли приют и хлеб в Чечне. Вайнахи делились с ними далеко не лишними для своих семей кукурузой, картофелем и другой продукцией. А во время первой чеченской войны чеченцы увозили из городов русских, украинцев и людей других национальностей к себе в села и аулы, кормили и спасали их от бомбежек.

Есть множество примеров, когда приезжие женщины – учителя, врачи из России – выходили замуж за местных мужчин и навсегда оставались здесь. В большинстве своем они вписались в местную среду, переняли образ жизни, религию, духовные ценности.

На протяжении последних столетий Чечня, как и весь Кавказ, не раз оказывалась в сфере геополитических интересов великих держав, что приводило к военно-политическому противостоянию.

Военные действия и другие насильственные акции, колониальная политика царизма, депортация с исторически обжитых районов сталинским режимом имели глубокие последствия в сфере культурного наследия.

Уничтожались историко-архитектурные памятники – традиционные чеченские башни, культовые сооружения, сокращались традиционные народные ремесла и художественные промыслы, разрушалась традиционная среда обитания чеченцев.

Важное место в этнической культуре чеченцев занимает ислам, представленный в форме суфизма. Особенность суфийской культуры – наличие мощного гуманистического, миротворческого потенциала, которому чужды религиозный радикализм и экстремизм в любом их проявлении, что органично вплелось в ткань этнической культуры чеченского народа.

В XX столетии чеченская культура пережила огромные трансформации на путях интеграции в общероссийский (советский) контекст.

В 1920–1930-х гг. и в последепортационный период в культуре Чечено-Ингушетии произошли особенно быстрые перемены на основах светской и европейской традиции, в рамках которой развивалась вся советская культура.

В 1920-е гг. началось планомерное осуществление культурной политики партии, при которой любая философская или иная система идей, выходящая за пределы марксизма в его ленинском варианте, квалифицировалась как «буржуазная», «помещичья», «клерикальная» и признавалась контрреволюционной и антисоветской, то есть опасной для самого существования нового политического строя.

Идейная нетерпимость стала основой официальной политики советской власти в сфере идеологии и культуры.

В сознании основной массы населения началось утверждение классового подхода к культуре. Широко в обществе распространились классовая подозрительность к старой духовной культуре, антиинтеллигентские настроения. Распространялись лозунги о недоверии к образованности, о необходимости «бдительного» отношения к старым специалистам, которые рассматривались как антинародная сила. Утверждался политический монополизм в науке, искусстве, философии, во всех сферах духовной жизни общества.

Главной социокультурной составляющей послеоктябрьской эпохи стала культурная революция. Ее определяют как процесс коренной ломки сложившихся стереотипов общественного сознания, духовно-нравственных ориентиров в поведении людей. Вместе с тем культурная революция – это

государственная политика, направленная на изменение социального состава послереволюционной интеллигенции и разрыв с традициями культурного прошлого. В 1920–1930-е гг. культурная революция превратилась в составную часть социалистических преобразований и использовалась как средство внутрипартийной политической борьбы.

Сталинские репрессии 1930–1940-х гг. уничтожили почти всех носителей чеченской культуры: интеллигенцию, духовенство и вообще цвет народа. Тем не менее, успехи культурной революции, несмотря на террор, были грандиозны.

Тоталитарный советский режим еще более усугубил процессы деэтнизации с помощью плановой «борьбы с реакционным прошлым». Геноцид, осуществленный сталинизмом в форме депортации всего чеченского и ингушского народов 23 февраля 1944 г., нанес ущерб, в том числе культурно-историческому наследию.

Чеченское и ингушское население на 13 лет вынужденно оставило свое историческое наследие, связывавшее многие поколения людей. Тогда народ вместе с родиной лишился и своего национального богатства.

В период депортации 1944–1957 гг. духовная культура чеченцев понесла значительные потери: была частично уничтожена национальная интеллигенция, а оставшиеся в живых не могли в годы ссылки продолжать полноценную творческую и научную деятельность; чеченцы утратили возможность читать книги, газеты на родном языке; в школах Казахской и Киргизской ССР не преподавался чеченский язык.

В 1960–1980-е гг. часть чеченцев, особенно городских, прошла ускоренный путь модернизации, получила высшее образование, выдвинула из своих рядов крупных хозяйственников, военных, политиков, ученых.

Начиная с конца 80-х гг. XX в. российское общество стало осознавать сложившиеся противоречия в различных сферах общественной жизни, в том числе в сфере духовной, в межнациональных отношениях. С одной стороны, очевидным стал процесс национального и культурного пробуждения, стремление преодолеть негативные ситуации, образовавшиеся в результате не всегда оптимальной национальной политики, с другой, столь же очевидны националистические настроения и тенденции, «подогретые» экономическим, политическим кризисами.

События в Чечне и в других регионах постсоветского пространства осознаются как следствие радикальных перемен, наступивших в перестроечное время, в результате политических и социально-экономических преобразований.

В советский период сложился определенный баланс, способствующий взаимному «прорастанию» различных культур друг в друга, их толерантности и дружественности, что определялось универсальным характером и авторитетом русской культуры, а также монополией социалистической идеологии. Крах социализма и распад СССР вызвали кризис идентичности (в том числе культурно-цивилизационной) как у чеченского народа, так и у русских и русскоязычных жителей республики.

Распад СССР и системный кризис, охвативший Российскую Федерацию, военные события в Чечне привели, среди прочего, к утрате русской культурой в массовом сознании чеченского народа своего универсального характера и авторитета. В результате деятельности СМИ, особенно электронных, было утрачено доверие ко всему, что было связано с Российской империей и СССР, в том числе к российской культурной доминанте.

Тем не менее, период пребывания Чечни в составе Российского государства, включая и советский период, не может рассматриваться как время деградации или колониального состояния чеченской культуры.

До 1991 г. несмотря на советские деформации, Чечено-Ингушетия была динамичным и современным обществом. Противоречивая этническая политика центра дала противоречивые результаты. Порожденные этой политикой проблемы стали частью причин конфликта, однако исторический и культурный факторы не лежали в его основе, равно как и гипотетическое радикальное отличие чеченцев от остального населения страны.

Тем не менее, интеллектуальный климат перестройки и наследованный доктринальный этнонационализм создали в Чечено-Ингушетии саморазрушительный хаос мыслей и поступков на базе отрицания прошлого и абсолютизации этнического.

Разрушение культурной среды произошло уже в годы дудаевско-масхадовского режима и самой войны. Даже страшные репрессии и депортация 1944 г. были менее болезненными, так как они касались всех и каждого. Эта всеобщность беды способствовала консолидации народа вокруг своих традиционных извечных духовных и религиозных ценностей, сплачивала народ, развивала отношения сотрудничества, взаимопомощи, уважения старших и т. д.

Ситуация, сложившаяся после августа 1991 года, коренным образом отличалась от всего того, что происходило в прошлом, – она расколола народ на враждующие части.

У власти оказалась наименее образованная, наименее интеллектуальная часть общества, а также некоторые интеллектуалы, сознательно или неосознанно избравшие путь карьеры и личного благополучия, хотя и под патриотическими лозунгами «борьбы за независимость» и т. д.

В условиях краха унитарной системы и ослабления партийной номенклатуры новая чеченская элита сформулировала претензии от «имени народа» на перераспределение власти в свою пользу и на приоритетный доступ к ресурсам. Независимость от федерального центра и суверенитет сулили такую возможность.

Самый страшный удар по культурному наследию Чечни был нанесен во время последних военных событий.

Особенность ситуации в Чечне заключается в тотальном уничтожении культурного наследия. Здесь погибло все, что связывало народ с прошлым, что свидетельствовало о его историческом пути. Единственно – не погибла историческая память, национальные традиции и обычаи народа.

Перманентный этноцид чеченского народа в царское и в советское время и как итог – уничтожение генетически здоровой элитной части народа ослабили иммунную систему нации, создали условия для утверждения власти клептократии, а интеллигенция, в силу того, что беда пришла изнутри общества, оказалась не в состоянии ее предотвратить.

Чеченский кризис имеет не только военный и экономический, но и чрезвычайно опасный социально-психологический аспект. И в России, и в Чечне уже выросли поколения, привыкшие не доверять друг другу, живущие разрушительными мифами друг о друге. Один из таких мифов – миф о чеченском народе как народе – террористе и разрушителе, а о русском – как о народе агрессоре и захватчике. Подобное недоверие – всегда проявление незнания культуры, истории, психологии друг друга.

На территории Чечни традиционно существовали и развивались культура русского казачества и культура чеченского народа с характерным для них взаимовлиянием. Сегодня от неповторимой красоты древнего казачьего уклада почти не осталось и следа. Отток в результате последней войны из этих мест русскоязычного населения привел к исчезновению целого пласта уникальной культуры начиная с периода военной колонизации Кавказа в XIX веке.

Огромную роль в культурно-цивилизационном взаимодействии в регионе играет русский язык, который обеспечивает доступ к мировым культурным достижениям, и с 30-х гг. XX в. играет монопольную роль языка межэтнического общения на Северном Кавказе. Однако снижение престижа русского языка, как индикатора падения роли и значения русской культуры на Северном Кавказе, очевидно.

Неприятие массовой культуры западного общества, его несовместимость с ценностной системой чеченского общества, развивающееся отчуждение от русской, российской культуры, кризисное состояние российской действительности привели, как уже отмечалось, к возрождению традиционной культуры чеченцев, которая становится основой этнической самоидентификации, а также фактором коммуникации и социализации.

Культурное возрождение народа Чеченской Республики – самая важная задача, поскольку она диктует необходимость решения и других базовых проблем. Всем известно, что без культуры нет цивилизации, теряется цель существования любого этноса, происходит морально-культурное разложение. Не зря говорил академик Д. С. Лихачев, что без культуры общество не может быть нравственным, а без нравственности никогда не подняться экономике.

Культура – явление динамичное, она жизнеспособна до тех пор, пока развивается, совершенствуется, взаимодействует с другой культурой.

Нация, как коллективная личность имеет свою душу, коренные свойства которой порождают неповторимую национальную культуру. Культура пронизывает всю человеческую жизнь, делает ее светлой, гуманной.

Культура чеченцев никогда не изучалась в целостности, а результаты частных, изредка появляющихся трудов не доводились до широких слоев населения.

У чеченцев есть генетически заложенный огромный духовный и интеллектуальный потенциал. Мы должны осознать, что пришло время «собирать камни» и есть шансы сохранить и развить этническую самобытность и культуру. Что же касается культурных связей чеченского народа с другими народами, здесь надо отметить фольклор, памятники архитектуры, культовые ценности, традиционные обряды, обычаи, межтейповые связи, духовное наставничество, семейно-брачные связи с другими народами.

Сегодня республика переживает один из сложнейших периодов своей истории. Предстоит вернуть людям веру в такие гуманистические ценности как социальная справедливость, уважение человеческого достоинства, доброта, милосердие, порядочность, восстановить серьезно деформированные этические нормы и принципы. Эту задачу осознает и все делает для ее реализации Глава Чеченской Республики Рамзан Ахматович Кадыров.

О чеченском обществе как таковом можно еще говорить, пока остаются носители культуры, морали, нравственных ценностей и традиций этого народа. Интеллектуальный потенциал республики включает в себя также и образованную, трезво мыслящую часть общества, среди них много простых людей. Народ Чеченской Республики не потерял морального духа, уверенности в том, что Чечня возродится.

Литература

1. *Абдулатипов Р.Г.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995.
2. *Ахиезер А.С.* Социокультурные проблемы развития России. М., 1992.
3. Репрессированные народы России: Чеченцы и ингуши. – М., 1994.
4. Россия и Кавказ: История, религия, культура / Под ред. Я.А. Гордина. – СПб., 2003.
5. Северный Кавказ: Этнополитические и этнокультурные процессы в XX в./ Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Отв. ред.: В.А. Тишков, С.В. Чешко. М.: РАН. 1996.
6. Северо-Кавказская цивилизация: история, культура, экономика, социология, философия. Ч. I–II. Пятигорск
7. Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992
8. *Тишков В.А.* Война и культура/ Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.: Наука, 2002.
9. *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. – М.: Наука 2003.
10. *Черноус В.В.* К вопросу о горской цивилизации // Россия в XIX – нач. XX в. Ростов н/Д, 1992
11. Чечня. Право на культуру. М., 1999.